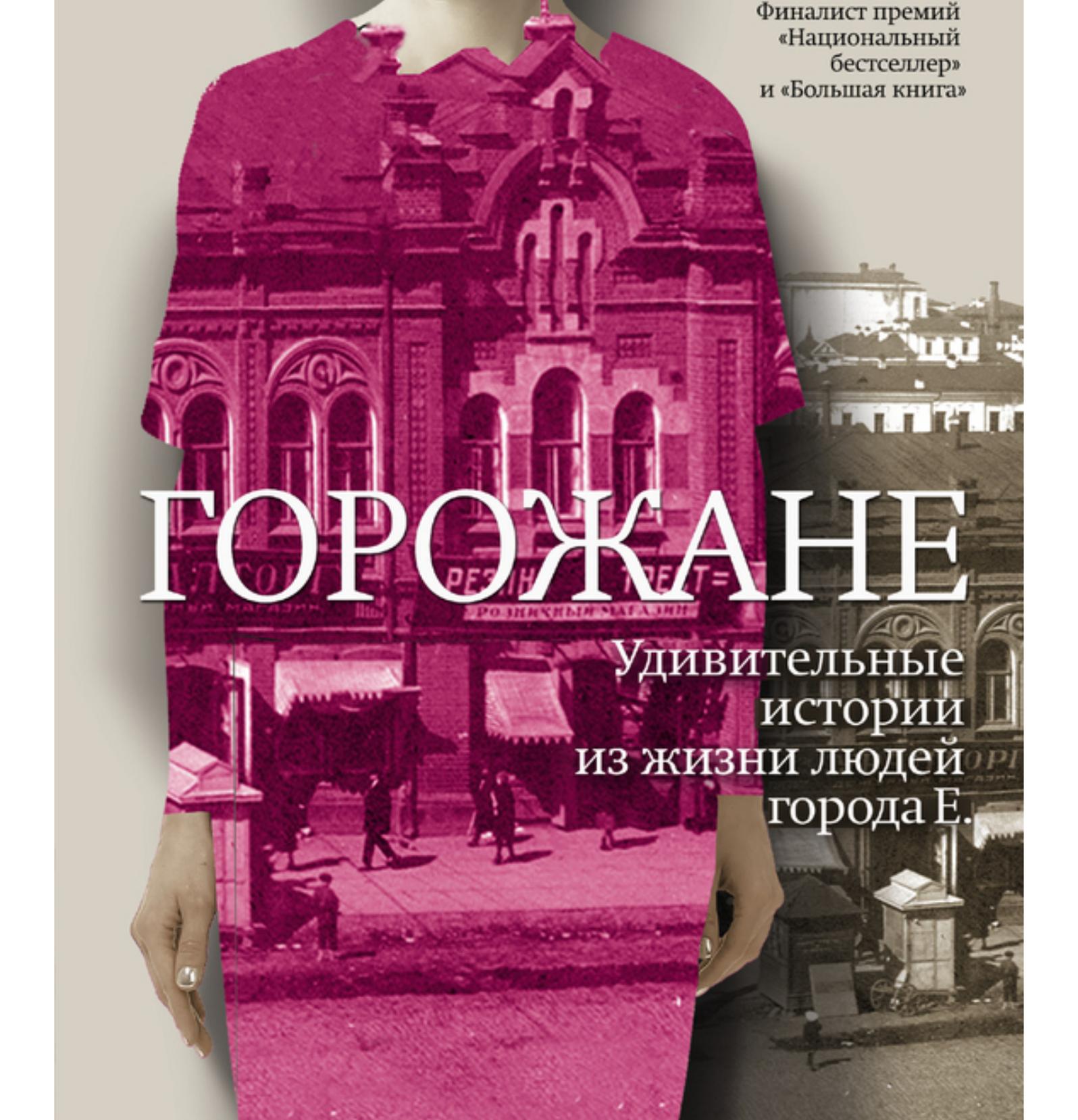

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Анна
Матвеева

Финалист премий
«Национальный
бестселлер»
и «Большая книга»

ГОРОЖАНЕ

Удивительные
истории
из жизни людей
города Е.

Анна Матвеева

**Горожане. Удивительные
истории из жизни
людей города Е.**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матвеева А. А.

Горожане. Удивительные истории из жизни людей города Е.
/ А. А. Матвеева — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-100421-7

Книга «ГОРОЖАНЕ» – это девять новелл, восемнадцать героев. Один необычный город глазами Анны Матвеевой: лицом к лицу. Здесь живёт драматург с мировым именем Николай Коляда, родился великий скульптор Эрнст Неизвестный, встретились когда-то и подружились опальный маршал Жуков и знаменитый уральский сказочник Бажов. Владимир Шахрин – ещё не ставший лидером легендарной группы «Чайф» – меняет пластинки на барахолке, Евгений Ройзман – будущий мэр – читает классиков в тюремной камере; на улицах эпатирует публику старик Букашкин – незабываемое лицо города. Ещё стоит нерушимо Ипатьевский дом – место казни императорской семьи, а будущий хозяин города Борис Ельцин – пока только студент. Новая книга Анны Матвеевой о всех них – людях, домах, историях города Е. Парные портреты ярких личностей соединяют дальние века и рифмуются судьбами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100421-7

© Матвеева А. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Смех Мельпомены	8
Имя на камне	19
Партия в поддавки	28
Дорога в небо	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Матвеева
Горожане. Удивительные
истории из жизни людей города Е

*Посвящается
всем жителям Екатеринбурга лучшего в мире города!*

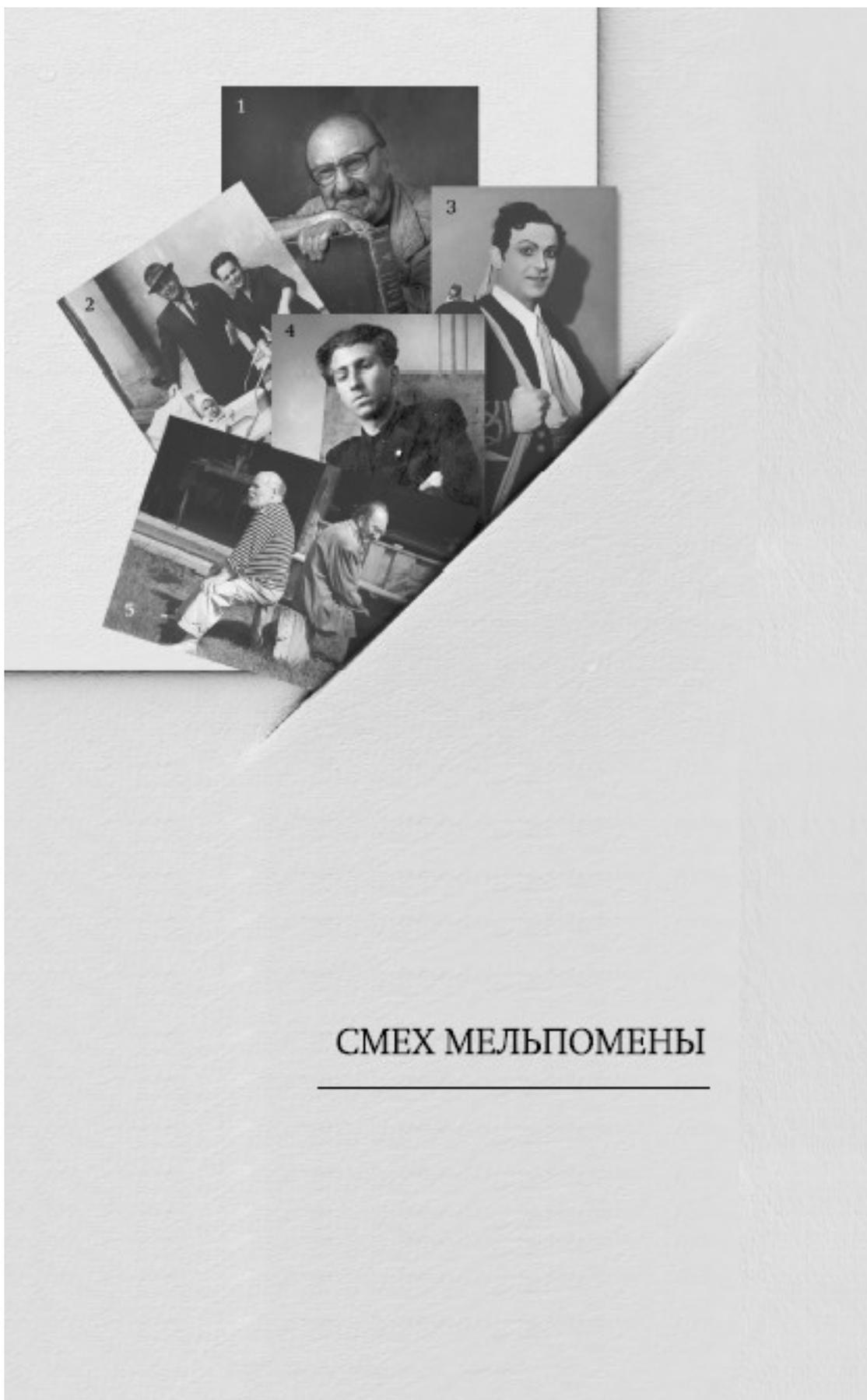
Анна Матвеева
ГОРОЖАНЕ
Удивительные истории
из жизни людей
города Е.

В оформлении переплета использована фотография Анны Матвеевой (фотограф Дмитрий Скутин)

Идея книги принадлежит Ельцин центр

Смех Мельпомены

1, 4 *Виталий Волович – художник, который любил петь*

2, 3 *Ян Вутирас – любимец свердловских театралов*

5 *Виталий Волович и Михаил Брусиловский*

1

Мальчику – десять лет, театру – двадцать шесть, городу – двести пятнадцать.

Даты определяют жизнь и судьбу, как в опере всё определяет тембр голоса. Теноров любят сильнее, чем баритонов, тенор – герой по определению, а баритону всякий раз приходится доказывать, что он тоже может им стать.

Голоса из чёрных репродукторов долгое время не имели судьбы и жили отдельно от тел, зато у них были имена – тарелки на столбах задушевно объявляли специально для мальчика: *поёт Ян Кипура* (похоже на Йом-Киппур, если произносить быстро), или *Беньямино Джильи* – имя звучит без всякой музыки, оно и есть – музыка. Ария Рудольфа из «Богемы»: «Холодная ручонка, надо вам её согреть...»

Мальчик не примерял к себе голоса из чёрных тарелок – воистину инопланетные в бело-сером графичном Свердловске. Разве что в школе пел вместе со всеми и даже танцевал, как умел, – трот-марш.

Мимо театра мальчик ходил довольно часто – белое, со взбитыми сливками, здание-торт. Совсем ещё молодой театр, совсем невеликий мальчик, туман будущего – лист бумаги, на котором пока ещё ничего не нарисовано. Над ним думают, вертят в руках так и этак. Мальчик любит рисовать, возможно, он станет художником. А театр, говорят, был построен по образцам одесского и венского – но мальчик не был ни в Одессе, ни в Вене, ему не с чем сравнивать. Ещё говорят, что проект театра назывался женским именем «Светлана», поэтому мальчик мог бы считать Светланой одну из трёх девушек, пристроившихся на фронтоне здания, но мальчик много читает и знает, что это – музы. Талия, Мельпомена, Терпсихора. Мельпомена – главная из трёх сестер, нечеховских не-мойр. Она самая высокая (три метра сорок сантиметров) и держит над головой факел – всё правильно, трагедия всегда во главе, и только в свете её факела можно различить другие события жизни – радости, успехи, недолгое счастье...

Родился мальчик далеко от Свердловска: если смотреть по карте – закружится голова, если приставить к ней (к карте, а не к голове) школьную линейку – длины не хватит. Иногда не получается мерить всё одной линейкой.

Владивосток, где жила его мама, и Спасск-Дальний, где родился он сам, – далёкие точки на географической карте. Владивосток так опасно висит на боку материка, что кажется, вот-вот рухнет в воду, а рядом с городом Спасск-Дальний кто-то пролил синюю каплю – озеро Ханка. Невозможно представить себе, как мальчик жил бы в этих городах-точках, они не имеют никакого отношения к ним с мамой – и к Свердловску.

Его мама – писательница Клавдия Филиппова, единственный родной человек. Так сложилось, что других родственников у мамы с мальчиком нет – во всём мире, в Свердловске, в Спасске-Дальнем, в Одессе и тем более в Вене. Конечно, у него был отец (отцы есть – или, по крайней мере, были – у всех), но тот человек не хотел быть отцом и сказал маме фразу, которая будет горячо биться в висках мальчика всю жизнь: «Выбирай: или я, или ребёнок».

Она выбрала ребёнка, назвала его самым живым, жизненным именем – Виталий. Потом, в очень далёком будущем, расстояние до которого тем более не измерить школьной линейкой, одна умничающая девушка расскажет, что Виталий – монашеское имя: мирян так прежде не называли, не было принято. Второе монашеское имя, по сведениям девушки, – Виктор. Интересно, что мальчика дома называли Витей, а не Виталиком или Виталей.

Ну вот уж монахом он точно не был! И с девушками не только умничал, но всё это было позже. А в 1938 году, когда чёрные тарелки пели на разные голоса, они уже довольно долго жили в Свердловске – почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не узнает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего, где жил мужчина, не желавший стать отцом, но ставший им? Глядя на Мельпомену, упрямо освещающую фонарём площадь Парижской коммуны, мальчик думает – возможно, потому, что здесь был оперный театр.

В Свердловске его мама много работала, у неё выходили книги, она дружила с коллегами, и они любили её – хотя писатели обычно никого не любят, особенно коллег. К маме нежно относился Павел Петрович Бажов, пока что не превратившийся в бюст на фасаде библиотеки имени Белинского. Ещё один перескок в будущее – иначе нельзя, если пишешь о прошлом. Юная краеведка показывает иностранному гостю бюсты на фасаде Белинки, бойко перечисляя: «Толстой, Маяковский, Белинский, Мамин-Сибиряк, Горький, Пушкин...» Как вдруг запинаясь, глядя на Бажова: «А это, а это... ещё один Толстой!» Иностранец не удивился – точнее, он уже устал удивляться российскому своеобразие, и почему бы дважды не увековечить на одном и том же фасаде великого русского писателя?

В 1938 году никто не думал о мемориальных досках и славе...

Мама вышла замуж, у отчима были свои сын и дочь, а ещё у него были отличная библиотека, патефон и пластинки. На одной из пластинок записаны куплеты Эскамильо:

Стремясь вперёд,
он кровью уж обагрят цирк
Тут у многих духу не хватает.
Твой черёд настанет!
Тореадор, смелее!
Тореадор, тореадор!
Знай, что испанок жгучие глаза
В час борьбы блестят живей,
И ждёт тебя любовь, тореадор!
Там ждёт тебя любовь!

Мальчик до недавней поры с удовольствием ходил в цирк и очень любил его – но Эскамильо поёт совсем о другом цирке. По-русски поёт – все оперы в Свердловске, как и в других театрах СССР, исполнялись в переводе. *Зрители должны понимать, о чём идёт речь на сцене.*

– Это из оперы «Кармен», композитор Бизе, – объяснила мама.

Одноклассница Аля Рылова, в которую мальчик страстно влюблён (он всегда влюблён – для него это нормальное состояние, а не наоборот), ходила в театр *слушать* эту оперу. Ещё одно открытие – оперы не смотрят, а слушают.

Теперь они идут в театр вместе: десятилетняя девочка и десятилетний мальчик – кажется, с ними увязался кто-то ещё, друзья из поющего класса.

Три года до войны.

Билеты на галерею – самые дешёвые, мальчик не знает, что истинные ценители всегда выбирают места *повыше*: здесь самый лучший звук. Жаль, что декорации с галёрки не рассмотришь в подробностях и лица артистов приходится додумывать... В антракте они обязательно спустятся в партер, посидят на стульях фирмы «Тонет», сунут нос в яму, где скучают брошенные инструменты, и – снова вверх по лестнице, *знай своё место*. Где-то там, над ними, Мельпомена тянет вверх свой факел. По улице сани везут корзину с торфом, покрытым брезентом, мама прячет в шкаф керосинку, которой почему-то нельзя пользоваться в

доме, а здесь, на сцене, – Испания, Севилья, табачная фабрика. И вдруг выходят люди – артисты, в костюмах, как и должно быть в театре: но вместо того, чтобы говорить, они начинают петь! Кто бы мог подумать, что в опере поётся всё – не только ария про холодную ручонку или куплеты Эскамильо.

Можно спеть целую жизнь.

(Или нарисовать.)

Ни петь, ни рисовать – как говорят о крепко выпивших – это не его случай. Его случай – выбрать одно из двух, вырастить голос (у него – солидный баритон, ну ладно, баритончик!) или положиться на тот, внутренний, неслышимый голос художника, который в детстве заставлял его плакать от отсутствия чистого листа. Не на чем рисовать – вот это горе.

А вдруг получится и то, и это? Берёшь два горошка на ложку, хватаешь сразу двух зайцев за уши и удобно садишься между двумя стульями фирмы «Тонет» – почему бы и нет? Бородин вообще был химиком – но написал «Князя Игоря». А Чехов – врач. А мальчик представляет себя солистом оперы (лучше бы, конечно, тенором) и в то же время художником, придумавшим декорации к «Аиде», «Травиате», «Фаусту»...

Отныне мальчик ходит в оперный почти каждый вечер – билетёрши кивают ему, как знакомому, иногда пускают бесплатно.

Дома он рисует или читает о рыцарях Круглого стола: так увлекается, что не слышит мамин голос из-за стенки:

– Я ещё утром просила тебя вынести помойное ведро!

Свердловск – выцветший дагерротип, из которого так легко и приятно уйти в другое время, где блестят латы, падают забрала и рыцари ведут себя по-рыцарски, а мушкетёры – по-мушкетёрски.

Однажды летом из чёрной тарелки сказали, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину

Мальчику – тринадцать. Городу – двести восемнадцать. Театру – двадцать девять.

2

Театр оперы и балета, театр оперы – и билета... Не всегда получается выкроить денег, но сердобольные контролёрши иногда кивают ему, не глядя в глаза: «Проходи!» Как будто стесняются собственной доброты. Мальчик так плохо одет – а впрочем, кто сейчас хорошо одет? Рваная телогрейка, башмак с оторванной подмёткой. И голодный, наверное. А впрочем, кто сейчас не голодный?

Мама однажды спросила – что бы ты первым номером сделал, Витя, если бы война закончилась прямо сейчас?

Он ответил быстрее, чем она договорила:

– Купил бы целую булку хлеба и съел её.

Не понял, почему мама заплакала – разве он сказал что-то грустное?

Свердловск, глубокий тыл. Надёжное место для того, чтобы спрятать самое ценное – машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов, сопрано и контральто.

Идёт война, а под фонарём Мельпомены идут спектакли.

К ним в квартиру «по уплотнению» вселяют эвакуированных из Одессы – коммерческий директор военного завода Мирон Григорьевич, его жена Лия Львовна и дочка Рая. Вот она, Одесса, сама пришла, как гора из поговорки. Лия Львовна любит оперу, разбирается в музыке – с ней интересно разговаривать, обсуждать голоса и дирижёров. Она поддерживает мальчика и откуда-то знает – опера защитит его, музыка спасёт от войны, а пение – от голода.

Пластинки и походы в театр делают своё дело – теперь мальчик знает наизусть партии Риголетто и Онегина. Вечером на галерее он подпевает любимцам публики – но этого, к счастью, никто не слышит, поёт лишь его внутренний голос.

Других театров мальчик не знает, Свердловский оперный – единственный в его жизни и поэтому самый лучший. Войной – как в невольной рифме, волной – сюда принесло известных дирижёров, музыкантов-виртуозов и солистов, которых знал весь Союз. Густая кровь, мощные голоса, от которых плавится зал и вибрируют ложи.

В 1941 году в Свердловск приезжает греческий баритон Ян Вутирас. В Трапезунде его звали Яннис;

новая родина первым делом отхватила пол-имени, а потом последовательно научила бояться и петь.

Поёт он божественно – если допустить, что боги умеют петь.

«Вутиро» по-гречески – «масло». Голос Вутираса – мягкий, южный, с масличным привкусом, баритон. Когда маленькому Яннису исполнилось четыре, турки начали резню в Трапезунде: два ничем не связанных события, одно из которых навсегда изменило жизнь будущего Мазепы, Демона и Фигаро. Тёмной ночью семья Вутирас – родители и четверо ребятшек – бежали на лодке в Батум. Яннис стал Яном, брал уроки музыки у итальянца, потом переехал в Ленинград и учился в консерватории, у самого Николая Большакова. В Свердловске есть улица, названная в честь его однофамильца – пусть это и совпадение, но всё равно приятное. Вутирас окончил консерваторию и получил приглашение в Михайловский театр – это был удачный для него год, 1941-й, он так прекрасно начинался! У него и жена к тому времени была, и дочка – но вот тестю Вутирас не полюбился: бедный, говорит, не чета нам – да ещё и *грека* к тому же. Сунул руку в реку, то есть в карман, а там – дуля. Пусто. Дырка от бублика, на что семью кормить будешь?..

С женой они расстались, но чего стоят планы человека, когда у бога свой расчёт? Из брошенных в землю Ареса зубов дракона выросли воины, страна разом вспыхнула войной – а в ленинградской дирекции вдруг вспомнили, что новый баритон – грек, иностранец, чужак, потенциально опасный тип. Можно сказать, уже сослали его от греха подальше в Среднюю Азию, да тут подвернулся свердловский оперный директор Макс Ганелин. Перехватил Вутираса буквально в воздухе – как акробат ловит неудачливого товарища, летящего с трапеции.

Главная цель директора провинциального театра – заманить на свою сцену выдающихся артистов. Вечная проблема – не выпустить их впоследствии из города. Каких только партий не пел здесь Вутирас! Как его обожала публика – все стены в подъезде родного дома исписаны признаниями... Поклонницы считали честью постоять в калошах Вутираса, оставленных перед спектаклем в ящике за служебным входом.

Вот девушки в партере возмущаются – нет, ну какая дура Татьяна! Как можно было предпочесть этого Гремина *нашему* Онегину? Я бы, говорит одна, закинула свой малиновый берет куда подальше – и к нему!

Мальчик со своего места в галерее не слышит этих слов и смеха – он ждёт, когда на сцену выйдут обожаемые солисты. Великая «тройка» – Даутов, Китаева, Вутирас. Ниаз Даутов – тенор, герой в белом трико. Ленский, Мизгирь, Фауст... О нём шепчут разное, точнее, не разное – как раз таки одно и то же, но любят его так же страстно, как и грека-баритона. Валентина Китаева – сопрано, красавица, Джульетта, Розина, Виолетта. В далёком будущем мальчик (уже давно не мальчик) придёт на похороны к старенькой примадонне Китаевой – и ни коллег, ни поклонников у гроба не будет. Но вот он же пришёл, Витя, Виталий Михайлович, для которого пела в голодные военные годы Валентина Китаева. Может, он и выжил потому, что они для него пели: Китаева, Даутов, Вутирас...

Позади театра растут две лиственницы – какое всё-таки странное название для дерева с иголками, пусть они и опадают, как листья, и лежат на снегу такие яркие, жёлтые... Пожалуй

что, слишком жёлтые. Мальчик чувствителен к цвету, относится к нему с вежливой осторожностью. Он много рисует в последнее время, кажется, у него что-то получается – но очень сложно понять, получается ли это взаправду.

В доме очень холодно, и в художественном училище, куда приняли мальчика, тоже. Вода в стаканчиках покрывается коркой льда, ученики пробивают её кисточками. На улице теплее, чем здесь, пытается шутить кто-то.

Слова «холод» и «голод» отличаются одной лишь буквой и повсюду ходят вместе. Когда ешь, немного согреваешься. Когда чуть согреешься, голод ненадолго отступает.

Мама болеет, и однажды мальчик не может найти дров, чтобы растопить печь. Он ворует берёзовую чурку с чужой поленницы, и мама страшно кричит на него. Это так несправедливо, ведь он украл полено для неё, чтобы она согрелась...

В ТЮЗе идёт спектакль по маминой пьесе «Костя-партизан». В дом приходят писатели, актёры, художники, эвакуированные из Москвы. Один такой художник – Феликс Лемберский – внимательно разглядывает рисунки мальчика и удивляется вслух:

– Но почему вы рисуете только чёрным и белым? Мир в красках так интересен...

С собой гости приносят угощение – кто что может. Чаще всего это яичный порошок – мама разводит его водой и жарит на сковороде большую бледно-жёлтую лепёшку, одну на всех.

3

Ян Вутирас хотел бы не вздрагивать от звука незнакомых шагов и дверного звонка, прижатого чужой рукой. Не бояться угроз, ножей, дурного взгляда и завтрашнего дня. Свердловск принял его, театр обласкал, публика – полюбила.

Но, боже мой, как здесь было холодно! И этот снег, от которого болят глаза, будто кто-то влез тебе под веки и водит туда-сюда ледяными пальцами... Конечно, он и в Ленинграде зябнул – тоже не Греция, но там не было такого мороза, чтобы враз леденели окна.

Лето в Свердловске – слабенькое, маломощное. Как украли.

Вутирас в первый же год работы в театре познакомился с молоденькой балериной – тоже приезжая, из Херсона. Родная, горячая кровь, тоска по климату, но, вообще-то, в первую очередь любовь. Они прожили вместе всю жизнь, но поженились далеко не сразу: шла война, у грека не было документов, он – подозрительный тип, иностранец. Эта ария исполнялась строго по нотам. Двоих детей родили, старшего Яна выпаривали в вате: он явился на свет недоношенным, а потом стал известным в Свердловске врачом.

Вутирас обожал свою жену, называл «моя статуэточка!».

Статуэточка держала дом и домочадцев железной рукой. У балерин вообще сильный характер.

По-русски Вутирас говорил разве что с самым лёгким акцентом, ну а когда пел – этого никто не замечал. Всё внимание зрителей – голосу, дару перевоплощения. Узнать Вутираса в гриме не могли даже близкие! Амонасро, Елецкий, Риголетто...

А мальчику Вите в последнее время казалось, что и сам он как будто носит грим. Скрывает под одной сущностью совершенно другую. Теперь ему хотелось не только слушать любимые арии, но и петь самому. Каждый вечер в театре он примерял на себя роли Вутираса – казалось, придется впору

Свердловский театр во время войны – фабрика грёз, какая не снилась Голливуду Сюда приходили, чтобы забыть и забыться. Реальность безжалостна: на рынке какой-то военный купил себе женщину, дома и в училище лютый холод, мама болеет, и всё время хочется есть. Раньше мальчик прятался в книгах, называл одноклассниц «сударынями» и вызывал врагов на дуэль. «Клянусь честью» – говорилось по любому поводу. Тереть он скрывался в театре.

Театр был – другой мир. Дирижёр Маргулян становился перед пюпитром, закрывал партитуру и дирижировал по памяти. Открывался занавес, появлялся хор и солисты: ослепительные костюмы, блистательные голоса! Однажды Вутирас пел Онегина – в сцене объяснения стоял, облокотившись на берёзку, как вдруг она начала падать. Вутирас допел арию до конца, взял берёзку и унёс её со сцены.

Публика была в восторге!

Впрочем, она почти всегда была в восторге – солистам аплодировали по десять минут! У мальчика начинали болеть ладони, но в этом было такое счастье, такая великая радость – делать что-то со всеми вместе. Молитва атеиста, чудо оперы.

В театре, как в мечети или королевском дворце, есть женская и мужская стороны – мальчик знал об этом от мамы, она многое рассказывала ему – но всё-таки он не представлял себе закулисной жизни, хотя и примерял её к себе всё чаще.

И сам, незаметно для себя, но заметно для других начал петь. С утра до вечера исполнял арию графа ди Луна, каватину Феррандо и прочая, прочая, прочая... Домочадцы просили пощады. Пел он, без сомнений, громко, но оценить прочие качества исполнения мама и отчим не могли, а что-то с этим делать было жизненно необходимо – иначе вскоре все они оглохнут. Мама взяла телефонную книгу – искала номер Вутираса, но не нашла. Зато там был домашний телефон Иосифа Михайловича Вигасина – ещё одного солиста оперы, знаменитого Яго, которого мальчик тоже обожал.

– Мы с вами не знакомы, но именно вы – косвенный виновник моего несчастья, – заявила мама Вигасину. Яго заинтригованно молчал. – Дело в том, что мой сын увлечён оперой, обожает вас и изводит нас своим пением. Пожалуйста, умоляю, прослушайте его и скажите – стоит ли ему заниматься этим серьёзно. Если да, то мы готовы страдать, но если нет – пусть он всё это бросит и перестанет нас мучить, потому что это невыносимо...

Вигасин рассмеялся. Сказал, пусть мальчик придёт к нему завтра домой. Жили они на улице Шарташской, женой Вигасина была преподавательница консерватории с роскошным, прямо-таки сценическим именем Фрида Образцовская.

Мальчик шёл к ним, умирая от волнения, – долговязый подросток в старой телогрейке, ботинки сношены, как у тех статуй в монастырях, которые по ночам оживают и обходят нуждающихся. Подмётки он привязывал верёвочками, а драную телогрейку носил почти всю войну, пока маме кто-то не отдал для него старый рыжий кожан, к сожалению, женский. (Если не говорить, что он женский, – могут не заметить, и вообще, кому какое дело.)

Представьте, что чувствует молодой человек, когда дверь ему открывает любимый артист – такой неузнаваемый без грима... Представьте, что он чувствует, когда артист слушает его, почти не морщась, и признаёт – да, у вас есть голос, будем петь!

Фрида Образцовская стала играть с мальчиком гаммы, Вигасин ставил ему дыхание, слушал, поправлял. Однажды Витя исполнял романс Даргомыжского «Мне грустно», и Вигасин вдруг остановил его жестом. Набрал номер телефона Глазуновой – той самой Маргариты Разумниковны Глазуновой, меццо-сопрано, которая пела Далилу, Кармен, Кончаковну!

– Ну-ка, Маргарита, послушай! – сказал Вигасин и протянул мальчику телефонную трубку. Он пел в неё, как в микрофон, вначале робко, а потом всё больше доверяясь своему голосу, раскрывая душу, как книгу: «Мне грустно потому, что весело тебе...» – Что скажешь? – спросил Иосиф Михайлович, отобрав микрофон, то есть телефонную трубку у своего ученика.

– Скажи этому парню, – засмеялась Маргарита Разумниковна (а вместе с ней смеялись Кармен, Далила и Кончаковна), – если ему действительно грустно, не надо реветь, словно раненый буйвол!

... Война окончилась, город медленно приходил в себя – грязный, уставший и так-то неяркий, в конце сороковых он выглядел как сотый оттиск с гравюры. Голодные обмороки, ссоры в трамваях из-за пустяков: нужно время, чтобы прийти в себя, а точнее – выйти из себя прежних. Мальчик приходил на занятия в художественную школу и, фасоня, небрежно ронял на парту клавиры своей любимой «Пиковой дамы» или ноты ариозо Тонио из «Паяцев». В мечтах он уже был оперным певцом, а изобразительное искусство потускнело, расплавилось под софитами.

Чтобы не сводить с ума домашних репетициями, мальчик уходил в безлюдный парк Павлика Морозова – и пел там во весь голос, не обращая внимания на холод и ледяной ветер, впивавшийся в горло сотнями холодных иголок.

А Ян Вутирас, всю войну дававший концерты на заводах и в госпиталях, вечерами по-прежнему выходил на сцену оперного театра. Близилась премьера его главного спектакля – «Симон Бокканегра», – как вдруг Вутираса снова решили выдернуть из привычной почвы: опасный человек, иностранец, грек. Судить, сослать, посадить. К счастью, секретарём обкома партии работал его страстный почитатель – в калошах он, может, и не стоял, но на поклонах хлопал так яростно, что руки горели ещё долго. Он отстоял Вутираса, а может, и не только он один. Свердловск не отдал своего грека.

Жили Вутирасы к тому времени на проспекте Ленина, 46, в Доме артистов. Соседи – Даутов и Китаева. Даже здесь все они были неразлучны.

Правда жизни и правда искусства отличаются друг от друга сильнее, чем холод и голод. По законам искусства Вутирас должен был хотя бы раз пройти мимо парка Павлика Морозова, где драл глотку юный певец Виталий. Но правда жизни неумолима – они так и не встретились нигде, кроме театра, причём Вутирас был на сцене, а мальчик – на галёрке. И всё же эти судьбы оказались зарифмованы, сведены к одному знаменателю театром и городом.

Распевки в зимнем парке Павлика Морозова окончились трагически – злокачественной ангиной. Мальчик не мог больше петь и снова вернулся в зыбкий, ненадёжный мир изобразительного искусства, где тоже нужно было искать свой голос. Мама сочувствовала, но считала, что художник из Виталия получится скорее, нежели певец.

В 1945 году студентов художественного училища отправили «на отгрузку» картин из Эрмитажа – пережившие войну шедевры возвращались из тыла домой в Ленинград. Мальчик ловко подхватил очередной ящик, как вдруг работница Эрмитажа воскликнула:

– Бога ради, осторожнее, молодой человек! Здесь «Блудный сын» Рембрандта!

А в июне 1950 года умерла Клавдия Филиппова – мама мальчика. Похороны он помнит как сон – из тех, что снятся человеку всю жизнь.

Вот его будущая жена Томка, которую так любила мама.

Вот Павел Петрович Бажов говорит со слезами:

– Клавочка, милая... Это я должен был умереть. А тебе бы жить да жить...

(Бажова не стало в декабре того же года.)

Вот ещё какие-то люди – сочувствуют, плачут, суют деньги, обещают помогать.

Смерть в опере и смерть в жизни никогда не были сёстрами. Даже Мельпомена и Талия, трагедия и комедия, больше похожи друг на друга – не зря античные скульпторы изображали их с одинаковыми лицами. Мельпомена вполне могла засмеяться, а Талия – заплакать.

Мальчик больше не поёт, но – вот интересно! – на всю жизнь с ним останется благородный, бархатный, вибрирующий баритональный бас. Когда он говорит с женщинами, те клянутся, что этот голос отдаётся у них где-то внутри. Возможно, так происходит оттого, что женщины осознают, с кем беседуют – это же знаменитый художник Виталий Волович! Ему, знаете ли, даже памятник стоит в городе, недалеко от проспекта Ленина.

– Не памятник, скульптура, – поправляет художник, смеясь. – И не только мне.

Их там трое – Михаил Брусиловский, Виталий Волович, Герман Метелёв. Скульптурная группа «Горожане». Рост статуи Воловича – 2,4 метра (Мельпомена – выше), вид суровый, но справедливый, как у сказочного волшебника.

Изобразительное искусство одержало победу над музыкой – к счастью, мы любим не только то, над чем работаем, к несчастью, работаем не только над тем, что любим.

Сразу после войны Волович преподавал в том же училище, где совсем недавно учился, и, уходя с занятий, спускался в филармонический зал – громко пел арии для единственного своего слушателя, терпеливого друга, художника (и тоже прогульщика) Лёши Казанцева.

Теперь после маминой смерти он жил один, до женитьбы на Томке следить за его питанием было некому – Волович приходил в училище к началу вечерних занятий, покупал восемнадцать пирожков с повидлом и съедал их, запивая водой из графина.

В семидесятых в Свердловске выступал Александр Ведерников – знаменитый московский бас из Большого театра, – пел Мельника в «Русалке». Кто-то познакомил его с Воловичем, и они вдвоём заглянули в Союз художников.

Волович обратился к местной сотруднице, молоденькой, не знавшей его, – и она восхищённо вымолвила:

– Ой, вы, наверное, поёте! Этот-то, – она небрежно махнула рукой в сторону лучшего баса страны, тоже что-то сказавшего по случаю, – видно, что простой человек, а у вас такой голос! Опера, да?

Ведерников впоследствии клялся, что это был приятнейший момент в его жизни!

4

Ян Вутирас не учил детей греческому языку, но передал им свою мечту о Родине вместе с кровью. Когда границы открыли, Елена, дочь Вутираса, уехала в Грецию – и забрала с собой его маленькую внучку Ольгу. Прославленный баритон не успел увидеть девочку – он умер незадолго до её появления на свет, в возрасте шестидесяти одного года. Похоронили Вутираса на Широкореченском кладбище – какая же холодная земля в этом Свердловске...

А Виталий Волович стал знаменитым художником-графиком. И если архитектура – это застывшая музыка, то графика Воловича – это опера, которая звучит во всю мощь. «Турнир» – два голоса, которые спорят друг с другом, но складываются при этом в гармоничный дуэт. «Пустой панцирь учит ангелов петь» – белокрылые ангелы стоят перед пустотелым монстром навтыжку: эта работа появилась после одного из бесчисленных партийных собраний, где художникам *ставили задачи*. У Воловича всё звучит, поёт, вибрирует, иззубренные рыцарские мечи превращаются в виолончельные смычки, а кресты – в дирижёрские палочки. Шут поёт в терцию с распятым Христом, и полые рясы проходят по листу, как артисты миманса по сцене. Пальцы Изольды и Тристана соприкасаются, точно звуки в хроматической гамме. Арфа, лютня, флейта, песни миннезингеров и трубадуров, высокие ноты и высокие чувства... Клянусь честью, сударыня, *этот голос* не убьёт даже самая злокачественная ангина. Напротив, он будет крепнуть с каждым годом, и даже сам художник однажды поверит с миллионом оговорок, – *кажется, вроде бы, возможно*, – что у него действительно *получается*. Хотя он не особенно верит похвалам и ценит мнение немногих.

У него есть друзья, и любимая Томка стала его женой, и родилась дочь Леночка, и вот уже появились внуки – птица не успела махнуть крылом, Мельпомена всё так же тянет кверху свой фонарь, мальчик стал вначале мужчиной и мужем, а после – дедом и прадедом. Он иллюстрирует «Отелло», «Тристана и Изольду», «Ричарда III», он пишет с натуры старый Екатеринбург – первым стал изображать его слегка расфокусированным, искажённым, домики внаклон; потом эту манеру подхватили другие художники. Рисует Ригу, Париж,

Бухару, Иерусалим... Работает над офортами, что означает вечную занятость, грязные руки и острую, как терновый венец, головную боль.

Томка, рассердившись, сказала однажды:

– Я – жертва офорта!

Он работает каждый день без выходных и перерывов – даже если это его день рождения или всенародный праздник. Выставки, альбомы, Золотая медаль Академии художеств, работы хранятся в Третьяковке, Русском, Пушкинском, их покупают для частных коллекций.

Первой проданной работой Воловича стал юношеский этюд оперного театра – фасад, вечерние огни, чёрно-белая юность... Известный уральский художник Иван Кириллович Слюсарёв остро взглянул на ту работу и сказал:

– Я хотел бы купить эту вещь!

5

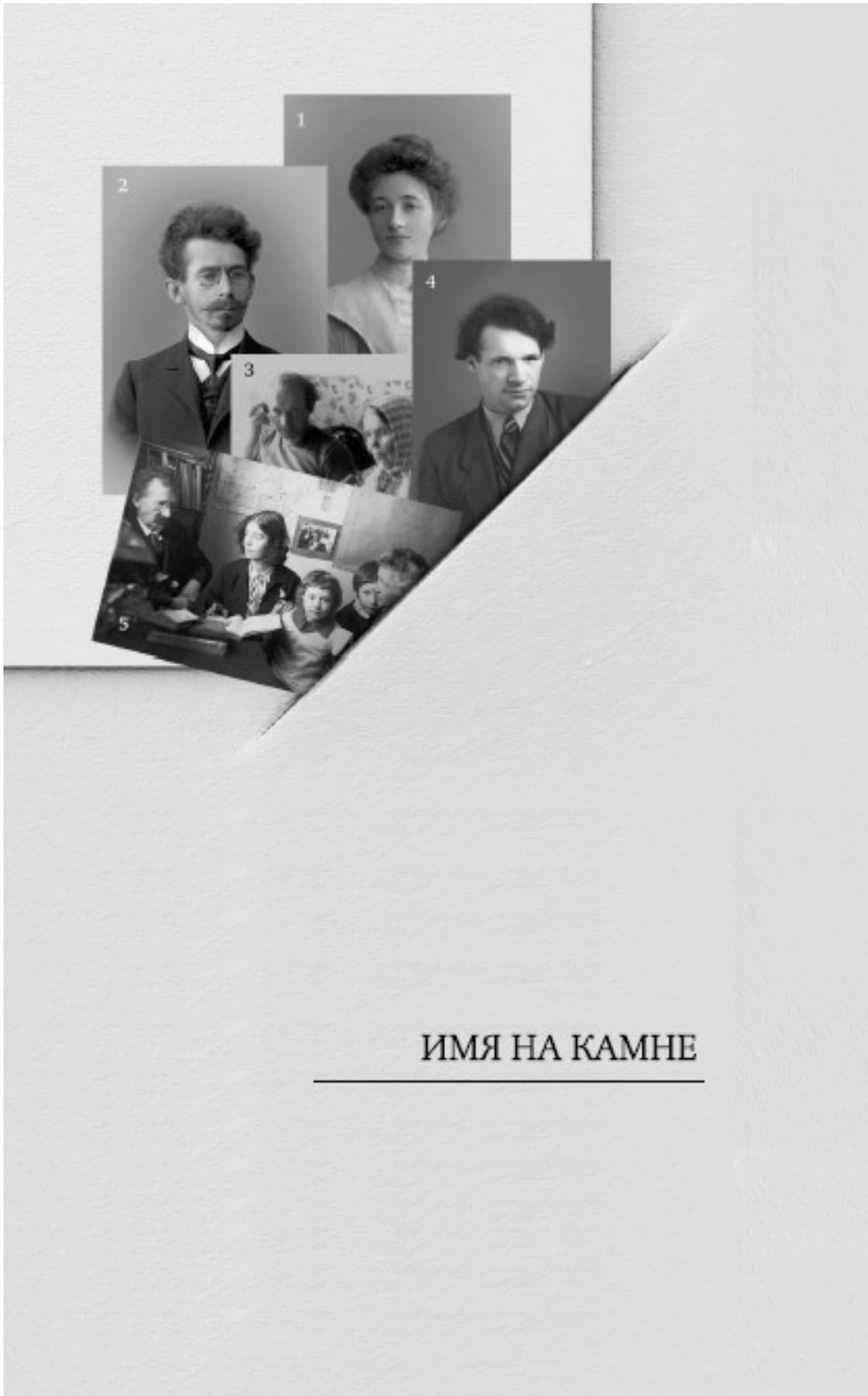
Театру – сто четыре года, городу – двести девяносто три, а мальчику... Неважно, сколько ему лет и что мальчиком его уже теперь никто не называет. Важно, что он идёт в свою мастерскую мимо оперного театра, где поёт сегодня Ольга Вутирас, вернувшаяся на Урал из Греции. Колоратурное сопрано, Царица ночи, Мюзетта, Джильда...

Мельпомена изо всех сил тянет руку с фонарем повыше к звёздам и тихо, неслышно смеётся.

Никто не умеет рифмовать лучше, чем жизнь, – даже искусство.

Клянусь честью!

Имя на камне

- 1 Ксения Михайловна Лёвшина – жена одного профессора Матвеева и мать второго
2, 5 Константин Константинович Матвеев – минералог, знавший о камнях больше,
чем о людях
3, 4 Александр Константинович Матвеев (на 5 фото он второй справа) – толкователь
имён и названий

Имена в этой семье чередовались, как шахматные клетки, – бабушка Юлия и внучка Юлия, дед Константин и внук Константин. Пришлые, неродовые имена приживались трудно, семейные росли спокойно и без суеты, и даже если некоторые – Михаил и Мария – считались несчастливцами, их всё равно вручали детям как племенную отметину Матвеевы – старинный уральский род с корнями из железа и камня, с вековым запасом жизнелюбия и одержимости собственным делом. Фамилия простая, никаких вам «шестых столбовых книг». Семейное древо держал на своих крепких плечах некий Матвей, рабочий Екатеринбургского монетного двора.

Мытарь Матфей на холсте Караваджо робко показывает на себя пальцем: неужто меня зовёшь? Константин Константинович, потомок Матвеев, не имел сомнений в том, что судьба и удача обращаются к нему напрямую – так и должно быть. Учёный-минералог, исследователь земных недр лицом был похож на Троцкого, Чехова и Свердлова – выбирайте, кто вам ближе. Младший сын профессора – Александр Константинович, а пока ещё просто Саша, Санчик, родился в 1926 году. Во дворе дома на улице Народной Воли его дразнили *Фафа злой*. Не все звуки выговаривал, потому и Фафа, а не Саша. Характер имел решительный, кулаки держал наготове, потому и злой. Имя Александр в семье тоже не чужое, но этот листок вырос на материнской ветви древа – так звали отца Ксении Михайловны Лёвшиной, невенчаной жены профессора Матвеева и матери восьмерых его детей. Тот Александр (давно уже *tot*) проживал в Швейцарии, имел виллу на берегу Женевского озера и писал стихи по-немецки готическим шрифтом. Тёплое слово *дедушка* к нему не пристёгивалось.

Александр означает «защитник», Константин – «постоянный». Александр Матвеев, посвятивший себя изучению имён собственных, в их магию не верил, но защитником, безусловно, был. Защитником своих детей, своего дела, а главное – русского слова. Его отец Константин Константинович (дважды постоянный) ни разу не изменил своей науке – минералогии.

Для кого-то камни холодны и скучны, а кто-то считает их живыми да ещё и способными влиять на судьбу. Горный хрусталь сделает вас ясновидящим, змеевик предупредит об опасности, а попутно снимет головную боль. Родонит вселяет радость и пробуждает таланты, малахит изгоняет меланхолию, селенит отвечает за искусство убеждения, ораторский дар. Константин Константинович любил селенит – минерал с матовым блеском и солнечным зайчиком внутри. Лунный камень тёплого цвета, приятный на ощупь и противопоказанный людям капризным, замкнутым, одержимым несбыточными мечтами. Все мы любим то, что нам противопоказано.

Константин Константинович родился 5 марта 1875 года в уездном уральском городе Камышловое. «Камышовый» по-башкирски – *камышлы*. Мать Константина Константиновича сдала экзамен на сельскую учительницу, отец, Константин Никанорович, был коллежским регистратором, дослужился лишь до чиновника 14-го класса. В школе он занимался усердно, и в 1859 году его даже направили в Петербургский технологический институт как стипендиата горного ведомства. Жаль, что завершить обучение не удалось – он по собственному прошению был уволен из числа стипендиатов по состоянию здоровья. Работал на заводах,

приисках, служил в Верхотурском приходском училище, впоследствии был удостоен звания учителя арифметики и геометрии в уездных училищах. У Марии Степановны и Константина Никаноровича было трое детей – Мария, Владимир и Константин. Имена, как заклатья, повторялись через поколение, но порою спешили вне очереди.

Александр не мог вообразить своего отца ребёнком – а кто смог бы? Суровый человек в мундире, лохматый, бородатый, пенсне сидит на переносице, как птица на жёрдочке. К младшим детям – Александру и Ксении – отец внимания не проявляет, со старшими – Андреем, Юлией, Михаилом – тоже всё не слишком ладится. Минералы для него интереснее людей, во всяком случае, в них больше загадок. Люди предсказуемы, несправедливы, могут стать помехой на пути к научным открытиям: лежат как камни на дороге! И всё-таки даже он был когда-то ребёнком, этот строгий старик, годившийся Саше скорее в деды, чем в отцы. Ребёнком, похожим на школьных друзей-соперников, тех, что выучивают все домашние задания и пишут изумительно разборчивым почерком.

Константин Константинович был безупречным учеником – окончил курс в Тарасковском начальном училище, в августе 1888 года держал экзамены в четырёхклассном Екатеринбургском. Знания по всем предметам и поведение оценены на «отлично», но летом отличнику приходится подрабатывать на золотых приисках: семье нужны деньги. Константин Матвеев переезжает в Оренбург (маленький Саша с лёгкостью находит этот город на карте Урала: с детства хорошо разбирал географические карты, география была его любимым предметом в школе, учитель по прозвищу Морж гордился своим учеником). В Оренбургском учительском институте старший Матвеев обучается за казённый счёт, ему уже двадцать, и он должен повторить судьбу своего отца. Вместе с именем Константину Константиновичу достаётся *путь*, который кажется неотменимым и, более того, единственным. От брошенного камня расходятся круги по воде, имя тянет за собой судьбу.

Константин Константинович впрягается в лямку: преподаёт в училище Мотовилихинского завода в Перми, быстро становится заведующим и старшим преподавателем, мужем Клавдии Филипповны и отцом девочки Веры, мальчика Льва, а затем и мальчика Глеба. Судьба катит по привычному маршруту, не обращая внимания на повороты; но учительская лямка натирает душу, особенно в области честолюбия. Чтобы сбросить её, придётся стать учителем самому себе – пройти гимназический курс: латынь, греческий, немецкий. Спасибо естественной склонности к естественным наукам – они даются ему легче языков. Предстоит сдавать экзамен на аттестат зрелости. Дети растут, год идёт по кругу и, как уроборос, кусает собственный хвост. Весной вдоль дорог розовеют нагие берёзки, в лужах стоит синяя апрельская вода. Константин Константинович успешно держит экзамен и теперь, по закону, имеет право поступать в любой университет России. Выбрал столичный, но Санкт-Петербург отказал двадцатипятилетнему абитуриенту по причине политической неблагонадёжности. Всего-то выступил в одном из революционных кружков с докладом о книжке Плеханова... Эта «неблагонадёжность» в будущем сослужит старшему Матвееву хорошую службу. Его не будут преследовать по сословному признаку, простят женитьбу на дворянке.

На пороге топчется страшный век, такой ещё молодой и чистый, что даже в мыслях нет предъявлять ему претензии. Константин Константинович зачислен студентом естественного отделения физико-математического отделения Киевского университета. Семья, конечно, в Перми. Семья всегда «в Перми», то есть отдельно, в стороне, вроде бы она есть, а вроде бы – нет. В конце концов, что важнее – жена с детьми или серьёзная научная карьера? Для Константина Константиновича ответ однозначен, а если кто из вас без греха, пусть первым бросит камень... Какой это, кстати, будет камень? Не исключено, Екклесиастов, из тех, что нужно то бросать, то собирать...

Уклонился от семейных объятий – его ждёт наука. Через год учёбы в Киеве Матвеев добивается перевода в Санкт-Петербург, где он встретит и своё призвание, и главного в своей жизни человека – юную Ксеничку Лёвшину. Долговязый (почти два метра ростом) студент снимает комнату в доме на Мещанской у Юлии Александровны Лёвшиной, вдовы действительного статского советника. Её младшая дочь Ксения – вчерашняя гимназистка, некрасивая, но миленькая, свежая, к тому же породистая, из дворян: осанка, взгляд, манеры. Немного похожа на невесту Самсона с известной картины Рембрандта. Далеко от улицы Мещанской растут девочка Вера, мальчишки Лев и Глеб. Клавдия Филипповна верит в своего мужа – его учёба в Петербурге обеспечит семье процветание.

А для номинального мужа важно отыскать свой путь, не ошибиться с выбором. Да, Генрих Шлиман уже ребёнком знал, что найдёт Трою, но не каждому так везёт. Наука для Константина Константиновича – сверкающий мир открытий, но что это будут за открытия, он и сам пока что не ведаёт, зато не сомневается в том, что Ксеничка Лёвшина поедет за ним на Урал.

Много лет спустя Александр Константинович окончит Хабаровский педагогический и вернётся в Свердловск, чтобы преподавать латынь и античную литературу студентам университета. В точности как его отец (структура повторяет *структуру*, имя подсказывает дорогу), он не сразу найдёт свой путь, твёрдо зная, однако, что дорога эта именно и только в науке. Старший Матвеев, геолог, искал месторождения минералов, младший, филолог, – залежи утраченных слов, осколки языков вымерших народов, а через них и сами эти народы. Отец и сын находили разное в одних и тех же местах. Полезные ископаемые Константина Константиновича и глубинный субстрат русской речи Александра Константиновича имеют общую *суть*. Тема пришла сама – и постучала в дверь, как судьба в Пятой симфонии.

Летом 1903 года Константин Константинович определил своей специальностью геологию и решил закрепить сей союз путешествием по реке Чусовой: собирал коллекцию образцов битуминозных мергелей необычного строения. Близ села Верейно студент Петербургского университета обнаружил удивительный тёмно-серый известняк структуры *cone-in-cone*. Нелюбители иностранных слов могут воспользоваться отечественным «фунтиковая текстура» или «конус в конусе», но будущий профессор предпочитал французский термин: помимо прочего здесь есть игра слов: *Кон-ин-Кон – Константин Константинович*, краткая версия. Минерал походил сразу и на коралл, и на окаменевшее дерево, и на ониксовый мрамор, и на стилолит... Природа *cone-in-cone* всё ещё не разгадана, хотя задачу эту пытались решить лучшие геологи мира.

Они не разгадали, но я справлюсь, полагает Константин Константинович и берёт с собой несколько образцов чусовского известняка. Берёт он их с собой на всю жизнь: в этих неведомых структурах – его будущие диссертации, научное имя, мундир и успех. А в 1950-е годы молодой преподаватель кафедры классической филологии Александр Матвеев последовательно откажется от четырёх предложенных ему диссертационных тем – внутренний компас учёного подтверждает, что эти направления неверные. Он найдёт свою тему сам.

Александр Матвеев всегда ощущал себя человеком леса, природы. Его с детских лет приучил к лесным походам старший брат Андрей – геолог, погибший в «Польском коридоре» за два месяца до мая 1945 года. Именно к Андрею в Хабаровск уехала перед войной давно уже не юная Ксения Михайловна Лёвшина с младшей дочерью Ксеничкой – у Константина Константиновича была к тому времени новая семья.

На Урале суровые пейзажи, рисовать которые следует в тёмных тонах. За деревьями здесь не видно не то что леса – вообще ничего не видно, кроме самих деревьев. Скалы взбираются высоко к небу, а там, наверху, вновь растут деревья. Они растут всюду, в том числе на

камнях. Музыкальное сопровождение – хруст веток под ногами, оркестры комаров и слепней. Жаркий запах болота и камыши, такие красивые, что не удержишься, нарежешь домой букет: длинные стебли, узкие шоколадные валики... Мама будет благодарить, а соседка разохается: «Вы что же, Ксень-Михална, примет не знаете? Камыш в дому держать нельзя – к беде!»

Но разве можно выбросить подарок сына? К тому же приметам Ксения Михайловна не верит, а бед ей довелось пережить столько, что никакой камыш не страшен... Дочь Маша умерла младенцем из-за недогляда няньки. В страшном 1919 году, когда Колчак уходил из Екатеринбурга, у Матвеевых погибли от испанки двое сыновей – первенец Костя одиннадцати лет и годовалый Алёша. Похоронены в одном гробу. Притихшие от беды уцелевшие дети тихонько обсуждали между собой, а потом спросили: «Кого тебе, мама, сильнее жалко, наверное, Алёшу? Он такой маленький, кудрявый, хорошенький...» Они не поняли бы – и никто не понял бы, что значила для неё потеря Кости, любимого, ласкового, первого... Всю свою жизнь Ксения Михайловна будет носить в себе эту беду, с годами она превратится в твёрдый комок, камень, который не даёт по-настоящему радоваться удачам и огорчаться невздам. Бедность, беспомощность, голод, неизлечимая болезнь сына Михаила, предательство мужа – верного рыцаря одной только науки... С Колчаком ушёл из Екатеринбурга Глеб Матвеев – его вместе с братом Львом Ксения Михайловна растила как собственных детей (Клавдия Филипповна решила, что отцу с новой женой будет сподручнее воспитывать мальчиков). Глеб лежит с шестью пулями в груди где-то в Сибири – тот серьёзный мальчик, которого она учила французскому и арифметике...

Так что пусть банка с камышами стоит себе на крышке пианино – разве может быть хуже? Только если война, но кто думает о войне в самом начале 30-х годов? Какая-то глупость, право слово.

Лесные походы с братом Андреем, прогулки с мамой по Уктусу и Шарташу (тюркское *таш* означает «камень»), уроки географии в пятой средней школе, когда Морж будто бы усаживал школьников на свою широкую ладонь и переносил в далёкие времена белых пятен, смелых мореплавателей и бесстрашных первопроходцев... Александр чувствовал, что его дорога в науку пройдёт между историей и географией, но будет связана с языком, филологией. Трёх разным дисциплинам – истории, географии, филологии – предстояло объединиться в одну – чтобы он мог совершать свои открытия, путешествуя вверх по реке забвения. Так будет называться одна из его книг – «Вверх по реке забвения», но до этой книги нужно пройти тысячи километров по Русскому Северу, отморозить ноги на Северном Урале, кочевать с манси-оленеводами и стать для них легендой (манси называли его *кусяй-ойка* – «большой начальник»).

Как и отец, он искал открытий на глубине. Слово чужого языка, оставленное на взятой территории, подобно ценному кладу, который, прежде чем рассмотреть, нужно разыскать. «Финно-угорские заимствования в говорах Северного Урала» – тема кандидатской диссертации Александра Матвеева. В детстве его любимой книгой была «Борьба за огонь» Рони-старшего, и сам он всю жизнь оставался отважным воином Нао, что пытается найти свой «огонь» – исчезнувшие народы, оставившие в память о себе пригоршню слов, почти растворившихся в русской языковой среде.

Собирать материал поехал в одиночку на Пелым и Вагиль, в Гаринский район Свердловской области, в места мансийских кочёвок. Манси, кстати, находятся в близком языковом родстве с венграми. Оленеводы-кочевники – и вполне себе европейский этнос. Кажется невероятным, что протовенгры жили на Урале до того, как обрели дунайскую родину в конце IX века, но доказательства этого есть: слова, слова, слова... Бесценный невесомый груз.

Потом, уже с группой, работал в верховьях Печоры, на Тавде, Вишере, Колве. Трудности путешествий его не пугали. Чтобы попасть в Дий, прибежище русских старообрядцев на западных отрогах Уральского хребта, отрезанное от внешнего мира лесами, реками и болотами, он заряжает поход с восточной стороны Уральских гор, из Ивделя. И ведь прошли через весь хребет с востока на запад! Две недели с рюкзаками по тайге, с компасом и картой. И добрались до реки Колвы, до разговоров со старообрядцами, до диалектных слов и народных песен. С теми же мыслями: успеть сохранить, записать. Чтобы помнили. И чтобы найти аргументы.

Больше всего аргументов несли в себе географические названия: имена рек и озёр, гор и лесов, деревень и полей. Манил к себе европейский Север России, где русский растворил в себе не один язык коренных племён. Легендарные чудь, весь, меря и другие народы ушли не бесследно. Реликты древних языков – как золотые песчинки в лотке рудознатца. Александр Матвеев создаёт топонимическую экспедицию, которая без усталости промывает словесную руду Отряды Севернорусской топонимической экспедиции сканируют десятки и сотни районов в Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областях. Десятки, сотни, наконец, миллионы единиц в Топонимической картотеке Уральского университета. Из этих слов, собранных «в поле», впоследствии вырастут диссертации, книги и судьбы. По этим именам – как по камням через болото – Матвеев-младший и его ученики переходили в древнюю историю заселения Русского Севера – во времена мифологические.

Константин Константинович, профессор Свердловского горного института, любил поднять каменный образец на ладони и тщательно рассмотреть его. Александр Константинович так же тщательно рассматривал словесные образцы. История иного слова так богата, так много открывает уму. Он группирует названия древнего происхождения (субстрат), наносит их на карту, вычерчивает ареалы распространения. И карта начинает рассказывать о доисторических временах.

Матвеевы работают всегда. И всегда им мало сделанного, всегда надо бы добавить. Константин Константинович собирает камни. Верх-Исетский гранитный массив, область реки Чусовой, изумрудные, асбестовые копи и месторождения платины в районах реки Косьвы и горы Соловьёвой, самоцветные копи Мурзинки, колчеданные месторождения (Калата, Белоречка, Карпушиха и др.), платиноносные россыпи на реке Ис. Везде где можно собирает минералы для Уральского геологического музея, любимого своего детища, с огромным трудом переправляет их в город. Александр Константинович собирает слова. Русский Север не отменял Урала. Река Большая Хозя, междуречье Вижая и Печоры, хребет Яныг-Квот-Нёр, Ауспия, Осьлейпанг-Пауль и т. д. Кочевые стойбища манси, общение на мансийском языке пополам с русским, снег в августе... Материалы пополняют университетскую картотеку, с их помощью позже правят неверные надписи на географических картах. Из любопытства добавил ещё и Саяны, поехали туда, где побывали могучие исследователи-одиночки прошлого А. Кастрен и К. Доннер. Они записывали исчезающий редкий язык – камасинский, жив ли он в 60-е годы XX века? В общем-то да, вымер, но последнюю из калмажей, помнившую «таёжный» камасинский язык – Клавдию Захаровну Анджигатову, – экспедиция всё же нашла.

Тот, кто живёт в одном и том же городе всю свою жизнь, знает, как любит судьба играть адресами. Не меньше, чем именами! Неожиданно человеку выпадают одни и те же районы, улицы, дома – как номера в лото. Будто бы тебя крепко держат те самые родовые корни, которые рисует ученик, если в школе задали составить генеалогическое древо. Древо как древо – в основе два имени, прапрапрадед и столько же раз бабушка, а выше торчат во все стороны ветви, на которых висят плоды: дети, внуки, правнуки, праправнуки. Они глядят камни, как знакомых собак – по макушке и холке, паразитально легко осваивают немецкий язык, пони-

мают лес и расчерчивают каждый свой день на четыре части: дела рабочие, домашние, ответить на письма, пройти как минимум пять километров.

Настоящие корни, конечно же, не на бумаге – они, как полезные ископаемые, прячутся под землёй и управляют потомками, как фигурками из настольного магнитного хоккея.

В 1921 году профессор Уральского горного института Константин Константинович Матвеев затевает важнейшее дело – ему хочется открыть при институте Минералогический музей и лабораторию. Поборник уральского камня, он не только сам собирает экспонаты, но и приобретает коллекции для будущего музея – любимейшего из всех своих детей. К середине 1920-х музей открыт – в здании Уральского геологического треста на углу улиц Куйбышева и Хохрякова. Если сегодня пройти отсюда один квартал к Зелёной Роще (в не столь уж давние времена здесь было монастырское кладбище, на могилах росла земляника), справа появится красный кирпичный дом № 25 по улице Народной Воли (всё в те же не столь давние времена известной как улица Народной Воли – говорят, здесь проходил маршрут ассенизаторов). Адреса – вот корни уроженцев здешних мест. Семья профессора Матвеева в 1930-е годы жила по адресу: улица Народной

Воли, 26, кв. 3. Спустя многие годы его родная внучка переедет в кирпичный дом № 25 по той же улице в квартиру № 2. Плюс-минус одна цифра. Плюс-минус одно-два поколения. Горный институт – в соседнем квартале, в Зелёной Роще студенты бегают при хорошей погоде физкультурные кроссы...

В музее, известном теперь под именем «Уральский геологический», есть портреты многих современных исследователей, учёных, геологов и минералогов, но упоминаний о Константине Константиновиче Матвееве не в избытке. Ему подобное небрежение, конечно, не понравилось бы. Столько сил отдано музею, столько средств – многие экспонаты он приобретал на собственные деньги, при том что щедрым не был, да и не мог быть после усвоенной в детстве привычки к экономии, той патологической бережливости, которая позволила выжить. Именно музей стал главным делом, даже не кон-ин-кон, загадку которых Матвеев-старший изучал всю свою жизнь – в Свердловске и Петербурге, а до того – в Берлине, Лейпциге, Гейдельберге, Геттингене, Париже.

В 1929–1930 годах Константин Константинович отправился в десятимесячную европейскую командировку. Гейдельберг (тесть Александр Долматов сказал бы Хайдельберг), розовый замок среди зелёных деревьев, аккуратнейший мост через Неккар, измерение уродливых кристаллов пирита. Геттинген – «Что привезти вам из Германии, милочка?». Ответ: «Учёности плоды: вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный, всегда восторженную речь и кудри чёрные до плеч». В Геттингене профессор Матвеев работает в геохимической лаборатории Гольдшмидта, изучает монациты Борщовочного кряжа, выполняет первую русскую работу по рентгеновскому спектральному анализу. А затем – Париж, начало 30-х. Хемингуэй уезжает в Америку, Пикассо переживает сюрреалистический период и пишет «Акробата», на экраны выходит первый звуковой фильм Рене Клера «Под крышами Парижа». Константин Константинович работает в минералогической лаборатории Национального музея естественной истории, на территории Ботанического сада: принадлежность здания легко определяется благодаря громадному кристаллу мориона у входа. Вот бы и в Свердловске так, мечтает Матвеев-старший: пусть музей начинается ещё на улице, прежде чем посетитель шагнёт через порог!

Музей, музей, музей – Урал богат недрами, у нас можно выставить такие образцы, что не снились и Европе, хотя здесь, в Париже, собрана единственная в мире коллекция гигантских кристаллов... Константин Константинович тоскует по родному музею, как по живому существу, а впрочем, то, что ты создаёшь, живое по определению: строители говорят с домами, конструкторы спорят с машинами... Командировка длительная – он успевает

поработать в Спектрологической лаборатории оптического института, по возвращении в Свердловск открывает такую же при Горном институте.

Новой советской стране нужны новые открытия: координаты нефтяных месторождений и залежей драгоценных металлов. Матвеев изучает топазы в Санарке, платину в Исовском районе, ищет золото и радиоактивные руды, титан, алмазы и нефть. Он разрабатывает идею предприятия по обработке цветного камня – Уралкамнекомбината. Меньше чем за год до рождения младшего сына Александра Константин Константинович совершает важное открытие – обнаруживает Гумбейское месторождение вольфрама. Искать – и находить, терять – но не сдаваться.

Матвеевский склад характера не замыкал учёного в рамках собственного кабинета. Взять на себя ответственность за людей и общее дело – вот это по ним.

Весной 1919 года здание Горного института отдаётся для постоя колчаковцев, а в июле всё руководство института с делами, архивами и частью имущества эвакуируется вместе с отступающими белыми войсками: институт намечено перевести во Владивосток. Пятнадцатого июля 1919 года в Екатеринбург с боями входят части Красной армии. К.К. Матвеев, глава многодетной семьи, остаётся в Екатеринбурге. Чтобы *сохранять имущество*, прежде всего – минералогические коллекции. Не мог же он бросить на произвол судьбы свой будущий музей! Их, институтских преподавателей, осталось в городе всего около десятка, но они взяли в свои руки судьбу вуза. Семнадцатого июля 1919 года на заседании под председательством К.К. Матвеева постановили: «1... Уральский горный институт остаётся и действует в Екатеринбурге. 2... совещание находит необходимым открыть институт и всем приступить к исполнению своих обязанностей». После ухода белых с 20 июля по ноябрь 1919 года К.К. Матвеев работает в должности ректора Горного института. К началу учебного года занятия проводить негде. В городе эпидемия тифа, с фронта поступают раненые, помещения отданы под лазареты. Тем не менее приём объявлен, 1 ноября начинаются занятия. В штате УГИ числится 25 человек, из них 5 профессоров (вернее, исполняющих должность профессора). Потом был принят новый Устав Уральского горного, К.К. Матвеев сложил свои временные ректорские полномочия и был назначен деканом геологоразведочного факультета. Совет выразил ему признательность за то, что благодаря его деятельности институт не распался.

А.К. Матвеева жизнь в подобные обстоятельства не ставила. У него была своя борьба. Задуманное им научное дело в одиночку сделать невозможно, он понимал это с самого начала. И растил коллектив, сбивал и сплавивал студентов в научное сообщество, жаждущее путешествий (не только в буквальном смысле) и открытий (как в науке, так и в собственной судьбе). Он вырастил экспедицию, выпестовал её, руководил ею как учёный, как педагог и как хозяйственник тоже (закупка рюкзаков, спальных мешков и моторных лодок – это без него не делалось, и, разработав маршрут, поставив научную задачу, он никогда не забывал проверить, взят ли с собой бидончик топлёного масла и спички в непромокаемой упаковке). Когда экспедиция окрепла, он бился за открытие лаборатории – и добился. Всё это: лингвистическую экспедицию, лабораторию, журнал – утверждал простым и трудным способом: работой на общественных началах. И экспедиция, и лаборатория учреждались как подразделения университета, когда они уже существовали и успешно работали. Сейчас экспедиции уже больше полувека, и 77 личных матвеевских выездов «в поле» – уже не такая большая цифра на общем фоне.

Крепкая, как всем казалось, семья близка к распаду, дети взрослеют раньше срока... На Сашу жалуются в школе: он дерётся с мальчишками и прилежание проявляет разве что к истории с географией. Единокровная старшая сестра Вера уже под старость получила

письмо из Свердловска – оказывается, тот несносный ребёнок стал профессором, членкором Академии наук. «Ни за что не поверю, – заявила Вера, – он был таким хулиганом!»

Перед самой войной Константин Константинович уходит из семьи – у него новая молодая жена и прежняя страсть к науке. Ксения Михайловна уезжает на Дальний Восток: *лишь бы прочь, а куда – всё равно*. Здесь и люди совсем другие, и природа ничем не напоминает уральскую. Хабаровск, мон Амур... У цветов иные имена, скалы – как причудливые храмы. Саша не сразу едет вслед за матерью и младшей сестрой – вначале остаётся в Свердловске, как будто бы под присмотром отца, но вскоре понимает, что не нужен Константину Константиновичу и даже не интересен ему. А тут и призыв в армию.

Беды, страдания, разочарования, обиды... Не только за себя самого. И сердце человека каменеет, как древнее дерево, которое не отличишь от скалы, не даёт сочувствовать, жалеть, любить, как раньше. Александр так и не сможет простить своего отца. За него это сделает сын Константин.

Константин Александрович Матвеев родился в 1969 году, когда деда-профессора не было на свете уже пятнадцать лет. Трудяга, коммерсант, фермер, в 90-е годы он поставил новый памятник на запущенной могиле деда – змеевик, бронзовые буквы, узнаваемый пристальный взгляд старика в форменном мундире. Справа от Всехсвятского храма на Михайловском кладбище стоит тот строгий чёрно-зелёный камень.

Константин – в этой семье несчастливое имя. Константин Александрович Матвеев не дожил и до сорока лет. Похоронен рядом со своим отцом Александром Константиновичем на Широкореченском кладбище. Розовый гранит у Кости, чёрный габбро – у Александра. Камни, камни, камни...

Время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий...

Древнее племя, нападавшее на соседей, убивало мужчин и забирало женщин, но главным считалось забросать камнями плодородные поля. Чтобы выжившие после боя не смогли распахать их: ведь тот, кто уцелел, обязательно соберёт эти камни, и жизнь возродится.

Молодой студент на берегу реки Чусовой застывает над каменной загадкой. Начинающий исследователь вслушивается в неизвестное слово – оно проложит дорогу к забытым народам. Только наука держит на плаву, только работа даёт волю к жизни... А ещё хорошо бы успеть воспитать сына, который сможет собирать камни и ставить памятники, бить рябчика влёт и не ждать благодарности за добрые дела.

В конце концов, от всех нас остаются одни лишь имена. Названия.

И разумеется, камни.

Партия в поддавки

ПАРТИЯ В ПОДДАВКИ

1, 4 *Георгий Жуков и Павел Бажов. Маршал победы в гостях у сказки.*

2 *Сергей Михалков и Павел Бажов*

3 *Павел Бажов – главный уральский сказочник*

В дверь постучали, и Ральф залаял от всей своей собачьей души. Гость стоял на пороге, румяный то ли от мороза, то ли от смущения.

– А я тут ехал мимо, увидел свет в окнах...

– Вот и правильно, что зашли! У нас пельмени сегодня, так что это вы очень, очень хорошо придумали. Не забудьте ступеньку-то, осторожнее.

Порог в доме приподнят, чтобы тепло не утекало.

Когда люди знакомы не близко, первые минуты разговора *тянутся* медленно до мучительности. Слова кладутся на пробу, то там, то сям виснут паузы, будто у юного музыканта, не способного выложить из отдельных звуков цельную мелодию. Но в этом доме, где гость бывал доселе лишь однажды, говорить хотелось сразу, чуть ли не в прихожей, где вилял хвостом Ральф.

– Дом у вас замечательный, – искренне похвалил гость, проходя в столовую, где женщины возились с самоваром.

Он ещё в тот, первый раз поймал себя на том, что захотел бы вернуться сюда, даже будь здесь другой хозяин. Легко тут было, и чувствовалось по всему, что дом этот – любимый, что заботятся о нём, как о человеке. Светлый, тёплый, на подоконниках цветы, повсюду книги. На стене висит гитара, как картина, – с прошлого раза гость помнил, что играет на гитаре хозяйка.

– А на пианино кто у вас? – спросил, покашливая. Красивый чёрный инструмент ленинградской фабрики «Красный Октябрь» стоял в столовой гордым кораблём.

– Внуку, Никитке, купили, – отозвалась хозяйка, справившись наконец с капризником-самоваром. – Но не желает играть, вот и стоит теперь как для мебели.

– Не слыхали, как в деревнях пианино ребятишкам покупали? – оживился хозяин, поглаживая бороду. Радость от припомненной истории зажгла в глазах живой огонёк. – «Комодом с зубами» называли!

Гость провёл рукой по клавишам – ровные, белые, они и вправду походили на зубы. А если уложить крышку неправильно, инструмент оскалится и станет похожим на зверя.

– У вас сегодня никого, – заметил гость, усаживаясь за стол. – А в тот-то раз как на гулянье собралось! Думал, и сегодня так будет.

– Мороз отпугнул, видать. – Хозяин, достал из буфета две рюмки. Графинчик с водкой уже был на столе, от блюда с пельменями шёл кверху ароматный вьющийся пар. – Я верно помню, что вы чистый напиток предпочитаете?

– Как и вы. Крашеный алкоголь не терплю.

Мужчины выпили по рюмке, с удовольствием принялись за пельмени. Хозяин шепнул жене:

– Валянушка, сметану позабыла.

Гость с наслаждением смотрел на то, как в этой чужой ему – но такой необъяснимо родной – семье угождают друг другу без лишних слов, а всей душой. Когда разлили чай и подвинули к нему поближе вазочку с вареньем из яблок, в соседней комнате хлопнуло окно.

– Вот и котейка явился, – сказал хозяин, и точно: в комнату решительно вбежал серый кот, хвост трубой, и замявкал, крутясь у стула Валентины. – Ему морозы не страшны, да он и вообще никого у нас не боится, верно, серенький?

За столом говорили не много, домашние слегка робели гостя – трудно забыть, кого они принимают в своём доме запросто, как если это самый обычный человек. Конечно, бывали

у них разные известные люди – Евгений Пермяк, Агния Барто, вон на том сундучке спал как-то раз

поэт Алексей Сурков, но тут не просто известный человек, а целая легенда... Дом как будто бы меньше стал от его присутствия, хотя ростом гость не так и велик – могучий, но невысокий. Валентина и её сестра Наталья старались не разглядывать его пристально, но иногда терпению не хватало: взгляды падали, как вилки из рук. Только Никитка, согласно возрасту, вёл себя естественно – и когда гостю достался счастливый пельмешек с начинкой из прогоревшего древесного уголька, захлопал в ладоши от радости (сам и вкладывал начинку в тесто).

Чай хозяин пил из стакана с латунным подстаканником, а ложку не вынимал – придерживал большим пальцем. Сахар в крупных кусках лежал рядом с щипцами для колки – колоть, сразу стало ясно, было заботой хозяина. Гость положил в свой стакан два кусочка сахара, и тут Никитка зевнул во весь рот – пора было укладывать мальчика.

– Ещё минутку, дедушка, – просил мальчик, а глаза слипались, и голова клонилась набок. Кот, напившись молока, давно спал, свернувшись клубком близ печи, рядом похрапывал Ральф.

Гость никуда не торопился, да и хозяин не хотел его отпускать. Перешли в кабинет, где на рабочем столе, заваленном книгами, темнела пишмашинка.

– Скучаете по Москве? – спросил хозяин, раскуривая трубочку. И, не дожидаясь ответа, как бы испугавшись, что ранит этого большого, сильного человека за живое, заговорил поспешно: – Я-то, уж извините, Москвы не люблю – она милее всего, когда в окно на неё гляжу, из поезда. Когда еду домой, на Урал. А что родные ваши места, давно вы там бывали?

Родина гостя – деревня Стрелковка Калужской губернии. Любой советский человек знал наизусть каждую страничку его биографии. Но названия, цифры, газетные передовицы – это одно, а живое впечатление – совсем другое. Узелок, который завязывается при первой встрече, может остаться всего лишь узелком – а может вытянуться в крепкую нить, связующую людей на многие годы.

Полгода назад, в мае, хозяин дома и его гость стояли вместе на трибуне площади 1905 года – шёл парад Победы. Хозяин присматривался к гостю, которого только-только перевели сюда из Одессы. Уральцы не болтливы, сплетен чураются, но даже самый сдержанный свердловчанин не мог удержаться от разговоров – как, почему, надолго ли? Сказывали, что гость выезжает каждое утро верхом на коне из Зелёной Рощи, а позади едут водитель с денщиком на блестящей машине. Судачили, что в Москву ему никогда не вернуться, и потом кто-нибудь обязательно итожил беседу решительным:

– А всё одно, без его б не управилсь!

На той трибуне пролез к хозяину и гостю шустрый мужичонка – глаз налитой, нос в марганцевых прожилках, от усов – квашеный дух. Тянет руку гостю:

– Я имею честь представиться, тот самый Ермаков, что царя казнил!

Гость отвернулся так резко, что ордена на груди звякнули:

– Палачу руки не подаю!

Вскоре в Свердловске назовут именем цареубийцы Ермакова улицу Другую – в честь хозяина, а третью – в честь гостя. Но пока живые люди, наблюдавшие с трибуны парад Победы, не превратились в памятники, бюсты и географические названия, им есть о чём поговорить за рюмочкой и трубкой.

– С тридцать шестого не курю, – сказал гость, с завистью глядя на дымящуюся трубку хозяина. – Врачи запретили.

– И мне запретили, – отозвался собеседник, – да вот такой силы воли, как у вас, не досталось. Несколько месяцев только и продержался.

– Книгу, что вы мне в тот раз дарили, – перевёл разговор гость, – в несколько ночей изучил. Светлые у вас истории, читаешь – и на душе проясняется!

– Ночами читаете? – рассмеялся хозяин. – А я, не поверите, пишу в тёмное время. День на заботы расходуется, не успеешь присесть, как стемнеет. Мои угомонятся, в доме тишина – вот тогда самая и работа. Когда котейка с прогулки вернётся – спать ложусь. Это сегодня он рано явился, озяб, а так он у нас зверь ночной.

– И что, целый рассказ за ночь пишете?

Хозяин положил на стол погасшую трубку.

Работал он очень медленно – на небольшую историю уходило до полугода, потому что отделявать её приходилось тщательно, а слово, как драгоценный камень, торопыг не жалует. Иногда лишь несколько фраз выходило из-под камышового, своими руками сделанного пёрышка, а ночь, гляди, уже прошла, серый кот видит во сне серых мышек, и новый день стоит на пороге, полный хлопот и забот. Школьная тетрадка – он писал только в тетрадках – откладывалась до вечера, но между делами всякий раз возвращался к истории заново, обдумывая поступки и слова своих героев.

В бытность журналистом работал, конечно, быстрее – газета промедлений не терпит. Семь лет заведовал отделом писем – газета была крестьянская, и письма в редакцию приходили со всех уральских деревень. Тонны писем, где рассыпан золотой песок народной речи, где меткие словечки – как ценная руда, где начатки легенд вели переключку с теми сказками, которые он слышал в детстве, на заводе... Жаль было оставлять эти богатства в конвертах, вот он и стал собирать коллекцию – выписывал на карточки, не задумываясь, зачем. А зачем собирают камни, причудливые деревья, раковины? Трудно человеку расстаться с чудом, всяк хочет присвоить хоть немного – пусть радуется в тяжёлую минуту

Тяжёлых *минут*, часов и дней ему досталось бессчётное множество – страшные годы, чёрные календари. Горе от времени легче не становится, разве что привыкаешь носить на себе этот груз. И несёшь его в ночные сочинения, где каждый герой – то сирота, то калека, то битый, то обманутый, но все как один спасаются делом своим, мастерством и призванием. А главное – верой в чудесное.

– Город ваш я не сам выбрал, как вы знаете, – гость вернулся к прежней теме, как возвращаются к камушку, который вначале не показался ценным. – Но служба – она везде служба. А на людей мне всегда везло. Вот вчера в колхоз ездил, на север, так меня там председатель из саней вывалил!

Хозяин удивился:

– За что он вас так?

– Да не нарочно, хотел, понимаешь, прокатить с ветерком! Лежу в снегу и думаю – ну, всё, брат, доездили! Не успел встать, как председателю все вокруг грозить давай – что сместят, из партии исключат! Я ещё снег с тулупа не отряхнул, а его *уж* почти что казнили.

– Вступились?

– Вступился. Мужик хороший, правильный, и в колхозе дело с умом поставлено. Ну а что гостя в снегу поваляло, в том большой беды нет.

За окнами взлаяла чужая собака, но Ральф, поморщившись, отвечать не стал: очень уж спать хотелось.

Живая беседа идёт не по-писаному, байки да анекдоты блестят в ней, как прожилки в камне, а главная тема – словно незыблемая скала.

– Я Свердловск тоже не сам выбрал, – сказал хозяин. – Родился в Сысерти, не бывали ещё в тех местах? Красиво там у нас... А сюда попал, не поверите, из-за Пушкина. Надо мной библиотекарь подшутил – сказал выучить первый том Пушкина наизусть, иначе не даст второй. Я испугался – и выучил. Прослышал об этом врач из Екатеринбурга, правда

ли, говорит, что всего Пушкина наизусть можешь? Ну, и забрал меня в город на учение. В духовное училище пристроил – самое дешёвое образование, и на форму тратиться не нужно.

– Религиозным были?

– После семинарии стал навсегда атеистом. Я ведь и семинарию окончил, и учительствовал много лет. В партию вступил. Потом война, революция... А не выпить ли нам с вами ещё по рюмочке?

– Можно.

Тихонько, чтобы не будить домашних, перешли в столовую. Гость, пока хозяин искал графинчик, разглядывал столик старинной работы. Поверху – шашечная доска.

– Играете?

– С внуками, иногда. А вы?

– Я больше шахматы люблю. Но могу и в шашки.

Хозяин улыбнулся:

– А давайте-ка в поддавки!

Гость нахмурился:

– Вот этого никогда не понимал. Что в жизни, что в играх главное – победа.

– Про победу вы лучше меня знаете, но поддавки – игра не простая. Предлагаю попробовать.

Выпили, и хозяин умело расставил кругленькие, похожие на конфеты, шашки по чёрным клеткам. Гостю уступил белые, и тот, пожав плечами, сделал первый ход.

– Тут ведь как получается, – сказал хозяин, подставив шашку под удар, – тут самое главное понять, что и поражение может стать победой. Всё как в жизни. И перемениться может в любую секунду. Вот за это я и люблю поддавки. Ну и потом – быстрая игра, весёлая. Большого напряжения не требует. У вас дамка! Сочувствую.

– С вами глаз да глаз! – притворно возмущился гость, довольный, что дал хозяину выиграть.

– Ещё разок?

Снова застучали шашки по столику. Гость изо всех сил старался вновь проиграть, выиграв, но думал о другом. Слова хозяина затронули в его душе что-то важное, давно отставленное и больное. Одиночество сильного человека страшнее одиночества слабого, и даже тот, кого не выпускают из толпы, качая на руках, однажды чувствует, что поговорить ему не с кем и довериться – некому. Вот почему он приехал сегодня в этот дом на улице Чапаева. Хозяин не из тех, кто станет перебивать, выпрашивать, льстить. Голос у него тихий, манера говорить – спокойная, уважительная.

– Я ведь тоже начинал с духовного образования, учился в церковно-приходской школе. – сказал гость, подбрасывая в руках выигранную (а на деле – проигранную) белую шашку. – Потом в Москву забрали, к дядьке, в скорняжью мастерскую. А сам мечтал работать в типографии – думал, что там книжки можно будет читать сколько душе угодно. Очень читать любил и сейчас люблю. В церковно-приходской школе, помню, велели каждому прочесть самостоятельно двести книг сверх программы, так я даже смеялся – разве это задание? Сплошное удовольствие.

– Детям, самое главное, хорошие книги читать, – заметил хозяин. – Младшая у меня, помню, сидела с паршивеньким романом, но запрещать здесь – дело бессмысленное. Принёс ей

Ростана, раз уж время пришло для таких тем. На другой день смотрю – читает Ростана. Испортить и книга может, не всякая во благо идёт.

Гость вдруг сгрёб все шашки с доски широким жестом, но тут же, будто придя в себя, снова расставил их по клеткам, как солдатиков.

– Затягивает ваша игра. Вот и в жизни, думаю, играет с нами кто-то. В бога мы не верим, но судьбу как не признать? Меня в 1915-м призвали в армию, простым солдатом. Хотели на офицера учить, но я отказался. В деревне своей видал в то самое время двух прапорщиков, да таких неудачных, нескладных, что стыдно мне стало и за них, и за себя. Думал, как же я, в свои девятнадцать, окончу школу прапорщиков и пойду командовать бывалыми солдатами, бородачами? Как эти вот двое? Совестно мне стало, пошёл солдатом. А теперь думаю, не случайно мне те парни подвернулись. Судите сами, стал бы младшим офицером, принял бы присягу, и в Гражданскую честь да погоны привели бы меня не в Красную, а в Белую армию, на Дон, в Новороссийск... Так могло быть. Но судьба иначе решила. Доверять ей надо. Слышать. Чуйку, как у вас тут говорят, иметь. Вот я и доверяю. Под пулями никогда не наклонялся. И трусов – терпеть не могу. А вы в Гражданскую где были?

– Работал в Камышлове, ответственным редактором «Известий». В 1918-м приняли в партию, а когда Колчак наступать стал, зачислили в партизанский отряд. Руководил нами, кстати сказать, ваш однофамилец, бывший рабочий паровозного депо. В боевых условиях я газету редактировал – дивизионную, «Окопная правда» называлась. Потом, уже в Перми, белые в тюрьму посадили, но из тюрьмы я сбежал. Сбежать-то сбежал, а к своим пробраться не смог – наши отступали за Каму, всюду колчаковские заслоны стояли... Тогда решил в Сибирь идти, а зима стояла суровая, не только с людьми, но и с погодой пришлось воевать. Одет еле-еле, шёл пешком, обморозился, а спас меня тогда один крестьянин – вот сколько живу, столько его вспоминаю... Подобрал в лесу, уложил на дровни и провёз, скрыв под рогожей, мимо поста колчаковского. Мне ведь обязательно нужно было в Камышлов вначале попасть, узнать, что с семьёй. Сколько они тогда претерпели... Камышлов город маленький, все знали, что Валентина – жена большевика, что он с Красной армией ушёл. Дом обыскивали, сестёр, тётку Валянушки арестовали, племянника шашками зарубили.

Хозяин невидящими глазами смотрел на круглые, мирные, игральные шашки... Игра остановилась, не до неё теперь было.

– Валентину не трогали, думали, что я к ней проберусь – как приманку держали. Дети с ней были, и ещё одного ребёнка ждала, мальчика...

Когда пришло время рожать, отправили в барак, к скарлатинозным. Оба они тогда заболели, и Валянушка, и сынок новорождённый. Вот в те самые дни я в Камышлов и добрался. Сбрил усы, бороду, чтобы не узнали белые... Повидались мы, но остаться надолго я не мог – направился дальше, в Сибирь, там нужны были большевики, там шли тогда главные бои против колчаковцев. Тюмень, Омск, Каинск, Томский урман, партизанский отряд... А сынок новорождённый умер. Константином звали, как вашего батюшку. У меня ведь трое сыновей было, Алёша, Вовка, Костя, а остались – три дочери.

– И у меня три дочери. О сыне всегда мечтал...

– Девочки, видно, сильнее. Вот и в шашках самые сильные – «дамки».

– Моя матушка была сильнее любого мужика в нашей деревне. Когда справиться не могли, Устинью звали. Я понимаю, вы не про ту силу говорите...

Мужчины замолчали.

– Смотрите, – сказал вдруг хозяин, – как за окном светло стало! Снег пошёл. Это наши уральские белые ночи. Город весь светится в такую пору, как шкатулка волшебная. Скучал я по нему в те годы, ох как скучал... И по городу, и по дому этому, и по временам счастливым. Дом-то ещё до революции строили, в 1914-м. Но мы с Валянушкой не успели здесь пожить до войны. Мы с ней познакомились в училище женском, епархиальном. Я до той поры преподавал только у мальчиков, а тут вдруг – девчонки. «Ну, говорю, посмотрим, что вы за народ». Валентина у меня училась, но предложение я ей сделал только на выпускном вечере. Вот так и сложилось всё. Через многое вместе прошли, как я ей не надоел?.. Ну что, ещё партейку?

– Давайте!

Вновь застучали шашки по доске, вновь выиграл хозяин.

– Не умею проигрывать, – улыбнулся гость. – Даже если для победы.

– Потому что мыслями вы не здесь, – отозвался хозяин. – Чувствую, что беспокоитесь, а о чём – не знаю. Расскажите?

– Лучше вы мне ещё про себя расскажите. Как писать начали? Учителем были, журналистом, редактором, всё вроде близко, но книгу-то написать не всякий может.

– Одну, думаю, всякий. Жизнь любого человека – это и есть книга, у кого – роман, у кого – сказка, а у кого – поэма. Вы человек эпический, вам обязательно нужно написать мемуары, воспоминания... Не думали об этом?

– Думал, да не знаю, с чего начать.

– Доверьтесь себе, и слова сами польются. Вот вы правильно заметили, что я не на литератора учился. Собирал фольклор, слова приметные записывал, но занимался другой работой. Хотя первые сказы именно тогда сочинял – примерялся. А потом, перед войной ещё, настало для меня тяжёлое время: сына Алёшу похоронил, из партии исключили, без работы оставили. Ареста ждал со дня на день.

Гость сжал в ладони несколько шашек – крепко, аж костяшки забелели.

– Вот и я сейчас жду, со дня на день, – глухо сказал он. – Семьдесят два человека из моего окружения арестованы. Все боевые генералы, цвет армии. Перебил вас, продолжайте.

Хозяин положил свою сухонькую ладонь на крупную кисть генерала – рука разжалась, выпустила шашки. На коже – красные отпечатки-кругляши.

– На целый год я тогда остался без работы. Время в саду-огороде проводил – каждый куст здесь, каждое дерево нашими с Валянушкой руками посажены. Вспоминали Алёшу... Девятнадцать лет ему исполнилось, практику проходил – и погиб во время взрыва. Валянушкин любимчик был... Вот так все наши мальчишки и ушли, один за другим. Вовочке три года было, заболел воспалением лёгких, когда мы из Усть-Каменогорска на Урал возвращались. Про Костю уже сказывал.

– Смерть ребёнка пережить – не дай бог никому.

Теперь уже гость положил ладонь на руку хозяина, пытаясь неумело успокоить старика. Забытые шашки лежали на столике вперемешку – как убитые солдаты на поле боя.

– Днями в огороде копался, – рассказывал хозяин, – ночами за конторкой стоял. По словечку, по шажочку продвигался, хотя поначалу писалось, конечно, быстрее, чем теперь. Молод был, сил много. А теперь-то меня ещё и зрение подводит – слепну. Да и других болезней хватает. Знаете, я прежде думал, что холодный пот – для выразительности сказывается. А стариком стал, болеть начал – и убедился, что никакого здесь нет преувеличения. Действительно, таков он и есть в самом деле – холодный пот. Но что-то я о болезнях разговорился... Возраст, наверное.

– Все мы моложе не становимся...

– Ну, вам-то рано на годы грешить! Вы в самом что ни на есть расцвете – погодите, будет ещё у вас много чего в жизни радостного. Но если не пойдёт работа над книгой сразу же, не отставляйте. И не каждого критика слушайте! Про меня говорили, что занимаюсь фальсификацией фольклора, разгромные статьи готовили. Я веру в себя надолго терял, за новые истории не брался, а кладовую писательскую всё равно пополнял. Как будто внутри что-то подсказывало – однажды пригодится. А потом, когда мне уже шестьдесят исполнилось, издали мою «Шкатулку», и началась совсем другая жизнь – одна книга, другая, награды... Вон недавно на китайский язык перевели, кино сняли, балет поставили... Всё это лестно, как любому сочинителю, – но когда пишешь, не о том думаешь.

– А люди своё вычитывают. Кого-то красота уральская завораживает, кто-то истории с тайнами любит... Вот на фронте один лейтенант всё сидел с вашими сказами, тогда я о них впервые и услышал. Это же детские, говорю, а он отвечает – дети одно возьмут, мы – другое.

– Никогда не думал, что буду детским писателем. Я для взрослых писал, а только вот ребяташки стали вдруг главными читателями. Каждый день письма с рисунками получаю – кто Огневушку нарисует, кто Серебряное копытце...

Хозяин устал от долгого рассказа, сгорбился над столиком – и сам стал похож на одного из своих персонажей, мудрого уставшего старика.

– Засиделись мы, – опомнился гость. – Ночь на дворе. Поеду.

Аккуратно сложил шашки в коробочку, провёл рукой по столику, как бы прощаясь.

В прихожей хозяин остановил его:

– Вот что хотел ещё сказать вам, Георгий Константинович. Дни наши – они словно камешки. Иные блестят, как изумруды, другие картинку показывают, как яшма. А есть такие серенькие, на первый взгляд – гранит или порода пустая, но потом оказывается, именно из этих дней и складывается самый главный рисунок жизни. Будьте здоровы.

Пожали друг другу руки – и распрощались.

Через два года после этой встречи, в декабре 1950 года маршал Победы Георгий Константинович Жуков провожал в последний путь Павла Петровича Бажова: в числе других близких людей нёс гроб с телом великого уральского писателя. По грустной иронии судьбы, фотография похорон стала единственным цветным снимком в архиве Бажова. А серые дни уральской ссылки спустя годы вспоминались Жукову не только обидой и вечным напряжением, но и светлой радостью от нечаянно вспыхнувшей дружбы. Как открывались для героев Бажова загадочные горы, так и для маршала Жукова Урал стал особенным местом, где он помимо прочего нашёл свою последнюю и самую сильную любовь – Галину Семёнову, которая родит ему дочь (ну да, снова дочь!) Машу. Маршал Победы вернётся в Москву, станет министром обороны, затем вновь попадёт в опалу и будет работать над своими многотомными мемуарами днём и ночью, забывая побриться – так что даже вахтёрша однажды откажется пускать его домой, не узнав:

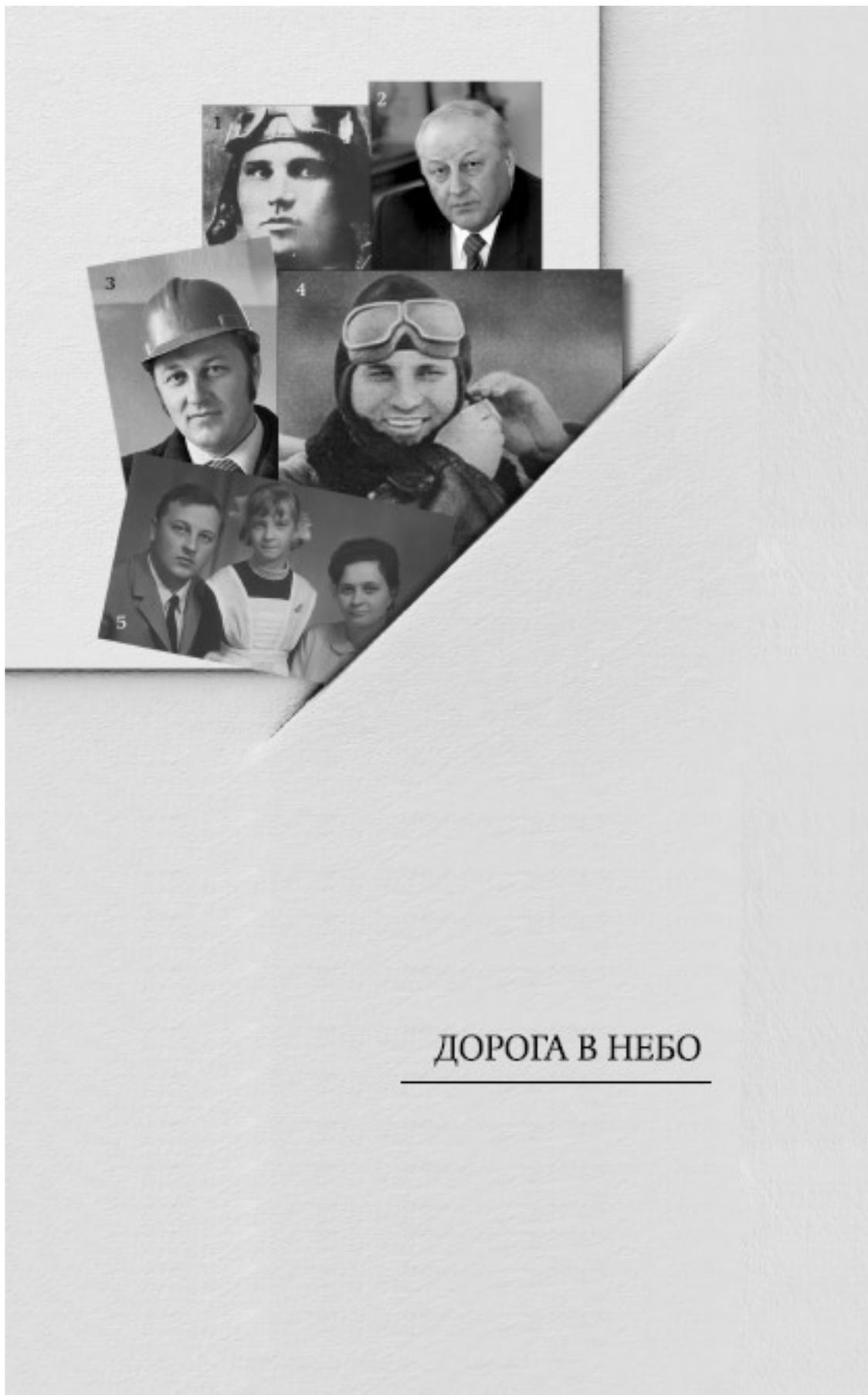
– Вы кто такой?

Павел Петрович, наверное, посмеялся бы, услышав эту историю, да и верит в неё не каждый. Как, впрочем, и в то, что Георгий Жуков играл однажды ночью в поддавки с уральским сказочником.

Было оно взаправду или нет – теперь ужине узнаешь.

Но у нас сказывают, было.

Дорога в небо

ДОРОГА В НЕБО

1, 4 *Георгий Бахчиванджи – Герой Советского Союза, легендарный лётчик-испытатель*

2, 3, 5 *Эдуард Россель – губернатор, мечтавший летать*

1

Конечно же, никакой дороги в небо не существует – дороги строят на земле. Но если долгие годы ходить по земле одной и той же дорогой, поневоле начнёшь смотреть не только себе под ноги, но и вверх, в небо, в бело-голубой экран. Самолёты расчерчивают гигантский холст инверсионными мазками, облака предсказывают ясную погоду, и откуда-то слева, как на детском рисунке, выносит стаю – птицы будто галочки из списка выполненных дел.

Хорошо смотреть в небо взглядом пешехода. Плохо – если этот пешеход всю жизнь мечтал летать, а потом мечту в секунду отменили, и вот уже вверх летит не самолёт, а справочник городов СССР – распахивается на букве «С». Самарканд, Саратов, Севастополь, Симферополь, Смоленск, Сочи, Суздаль, Сургут, Сызрань, Сыктывкар... Он выбрал тот, где больше всего вузов – крупный промышленный город, Средний Урал, Свердловская область, и неясно, *в какой области* – новая дорога. Ему двадцать лет, небо для него закрыто, и прогноз никогда не изменится. Это другие будут летать в облаках, испытывать сложные машины, «потому, потому что мы пилоты»... Мечта так долго бродила в крови, что, кажется, вошла в состав организма – а теперь нужно привыкать жить без неё, учиться входить на борт пассажиром.

Но прежде, конечно, – выбрать институт, получить образование... Мама мечтала, чтобы сын стал врачом, вот поэтому, хоть душа и не лежала к медицине, первым делом он всё-таки отправился в Свердловский медицинский институт. На улицу Репина.

– А что это у вас тут такое, напротив?

– Это у нас городская тюрьма, молодой человек. Следственный изолятор.

Смотреть на тюрьму, снова, изо дня в день, на пути в институт и обратно проходить мимо облаков колючей проволоки и зарешеченных окошек? Не будет он врачом, прости, мама. Ещё и по этой причине – не будет.

Следующая остановка – Горный институт. Пока добирался, вспоминал то, что пытался забыть.

Село Бор Борского района Горьковской области. Семья – поволжские немцы, но, когда тебе четыре года, ты не мыслишь такими категориями, ты даже слов таких не знаешь. Семья для четырёхлетнего мальчика – это мама и папа, родной дом и добрые руки, вкусная еда и тёплая постель. Для тех, кто вначале пришёл забирать и расстреливать отца, а потом – арестовывать маму, всё это – излишние подробности и не имеющая ценности информация. *Собирайтесь, гражданка. С ребёнком – не положено, лес рубят, щепки летят.* Целый Бор срублен, семейное древо стало щепками. Год 1941 – начало войны для всего мира и конец прежней жизни для светлоголового (в обоих смыслах слова) ребёнка, родившегося в 1937 году и наречённого именем Эдуард.

Мать умоляла разрешить ей взять с собой малыша, кричала на всё село – крик этот будет стоять в ушах сына долгие годы. Его забрала соседка, но там большая семья, еды даже своим не хватало, а тут ещё *немчика* кормить. В августе 1941 года Эдик навсегда покинул село Бор – прыгнул в вагон, поезд шёл до Кирова.

Впереди – несколько лет беспризорной жизни, придётся выживать, прятаться, кормиться от случая к случаю и никогда ничего не бояться. Проблему страха Эдик решил раз

и навсегда – когда ему было лет восемь, он ночевал на кладбище. Первые ночи трясся от страха, а потом привык – и спал на могилах, как мёртвый.

Видела бы мать... Хорошо, что не видела! Она откуда-то знала, что сын жив, что они обязательно встретятся, когда кончится этот кошмар – пусть даже начнётся какой-то другой, лишь бы закончился этот.

Эдик, вождь беспризорников, чумазый гаврош из Кировской области, любил смотреть в небо – глаз не мог оторвать от аэропланов и самолётов. На земле в те годы было безрадостно, крона семейного дерева не могла укрыть и защитить; но в небе всё было иначе. Стремительные рокочущие птицы над головой, имена лётчиков-героев – Супрун, Стефановский, Малышев, Жданов, Кабанов, Бахчиванджи...

Когда-нибудь к ним добавится его фамилия – ну и что, если она немецкая! Он прославит своё имя в воздухе, он будет испытывать чудо-машины и совершать подвиги.

Вот, например, Бахчиванджи – тоже не русское имя. Грузинское, турецкое?

Оказалось, что греческое, но говорить об этом было в те годы не принято. Совсем недавно лётчик Бахчиванджи геройски погиб во время испытаний нового реактивного самолёта БИ-1 над свердловским посёлком Кольцово. Эдик слышал, как про Георгия рассказывает радио – торжественные металлические голоса клялись, что подвиг его не забудется.

2

Георгий Бахчиванджи родился далеко от свердловского посёлка Кольцово – в станице Бриньковской, под небом Краснодарского края. Он тоже в раннем детстве лишился матери – но у Эдика-то мама жива и обязательно найдёт его, а маленький Гриша даже толком и не помнил свою мать, казачку Марию Ефимовну. Ему было два года, когда она умерла, и отец, Яков Иванович, женился на вдове Агнессе Степановне Гринько. Агнесса Степановна стала для Гриши и старшего Ильи заботливой, нежной матерью. Только в сказках мачехи злые, думал Гриша, а в жизни всё иначе, на то она и жизнь. Биография Агнессы Степановны была причудливой: в юности она вслед за старшими братьями уехала в Нью-Йорк, где работала на трикотажной фабрике, вышла замуж за библиотекаря-революционера, родила дочь Олимпиаду и сына Всеволода, стала вдовой, а после 1917 года с детьми вернулась на родину. В сельской местности прокормиться было легче, чем в Москве, – вот она и уехала в село Берестовое, тридцать пять км от Бердянска. На мельнице, в соседнем Троицком, познакомилась с Яковом Ивановичем Бахчиванджи – тот тоже вдовый, с двумя сыновьями... «У тебя двое, у меня двое, вместе легче растить будет».

Слова «мачеха» (ну что за слово – будто чихнул кто!) Григорий не произнёс ни разу, любил, берёг и защищал Агнессу Степановну, учил младших детей (родилось ещё пятеро, семьи, как и деревья, были тогда большими) заботиться о маме. И она – как подхватила двухлетнего малыша на руки в день встречи («Гришечка, Гриша!»), так и не выпускала бы, но, увы, детям в семье Бахчиванджи рано довелось повзрослеть. Когда семья перебралась в Мариуполь, на остров Бузиновку, Гриша начал работать вместе с отцом на заводе имени Ильича – стал слесарем-трубопрокатчиком, следил за охлаждением печей. Он с малых лет был равнодушен к технике – и в литейной мастерской успел поработать, и помощником машиниста. В свободное время ремонтировал посуду, музыкальные инструменты, да, в общем, всё, что нуждалось в починке, мог исправить и наладить. А смотрел всё равно – выше. В небо. Наблюдал за птицами – не как поэт, мечтатель или орнитолог, нет, Гриша пытался понять, как они летают. Птица – вот настоящее чудо! Маленький живой самолёт, у которого есть и крылья, и лапы-шасси, и встроенный компас. Как-то раз Григорий собрал модель самолёта из дранок, но он, зараза такая, летать не пожелал. Ничего, однажды у него всё получится – и он тоже поднимется в небо.

В 1931 году Григория Бахчиванджи призвали в армию. Разумеется – в авиацию: судьба его была начертана на небесах, инверсионными следами. Оренбургское лётное военное училище он окончил сразу по двум специальностям: лётчик – это раз, техник по вооружению – два.

3

Пройти по конкурсу в училище и стать лётчиком-испытателем вместе с Эдуардом хотели ещё двести шестьдесят человек. До финала добрались шестнадцать – комиссия отсеивала претендентов сквозь мельчайшее сито. Здоровье должно быть безупречным – испытывать новые машины советское государство доверяло лучшим из лучших. Зрение, давление, сердечные ритмы, психическая устойчивость...

К тому времени Эдуард уже ничем не напоминал чумазого гавроша-беспризорника. Хороший рост, крепкое телосложение, красивое, чуточку холодноватое лицо. Десять лет назад милиционер, знавший всех кировских беспризорников по имени, выдернул его из толпы «коллег»:

– Эдик, тебя мать разыскивает!

Тогда бывшие заключённые могли подавать просьбы о восстановлении семей – и мать, освободившись, действительно нашла сына в Кирове. Это был один из первых счастливых случаев в его жизни – уже смирившись с собственным сиротством, он снова обрёл семью. А дальше нужно было идти вперёд и смотреть вверх. В общем, он так всегда и делал – ничего интересного под ногами не разглядишь, всё лучшее – за облаками, в небесах.

Посёлок Водный, Коми АССР. Напротив дома – тюрьма, соседи – бывшие сидельцы, зато здесь есть настоящая школа, и у него теперь – настоящий портфель, учебники, тетради! Десятилетний Эдик поступает в первый класс – он плохо владеет русским языком, хорошо – немецким и просто отлично – языком улицы. Учительница русского и литературы, ленинградка, жена политзаключённого, начала давать ему книги, одну за другой. Учителя-словесники – лучшие психологи, и вот уже русский язык – широкий, бескрайний, как майское небо, – стал родным для мальчика.

При этом каждый день, да не по разу, его называли то немцем, то фашистом – в зависимости от ситуации и характера собеседника. В те времена, впрочем, то были синонимы – немец и фашист, какая, в сущности, разница.

Можно было, полная паспорт, записаться русским – и председатель поселкового совета на это всячески намекал, согласившись выдать документ лишь с третьего раза. Но если ты начинаешь жизнь с обмана, с предательства собственного рода, в небо тебя точно не возьмут.

Он ведь ещё тогда, беспризорником, всё решил. Выучите я, поступит в лётное – и начнёт испытывать новые сложные машины. Как Бахчиванджи! В школе записался в кружок юных авиаторов при клубе ДОСААФ, изучал теорию и даже поднимался в небо, с инструктором. По-настоящему! Впервые! Был, конечно, на седьмом небе, и в одном, и в другом смысле слова... Самолёты Ан-2 и По-2, до реактивных – как до Луны...

На входе в свердловский Горный институт попытался вытряхнуть из памяти горькие мысли – как лепестки яблоневого цвета, которыми налетевший ветер присыпал ему голову и плечи. Лепестки отряхнулись легко, горькие мысли никуда не исчезли, разъедали душу обидой.

Он никогда не станет лётчиком, потому что не стал по документам русским.

Комиссия из двадцати врачей осматривала претендентов только что не с лупой – желающих стать лётчиками-испытателями (в перспективе – ещё и космонавтами) было куда больше, чем «посадочных мест».

Эдик выдержал все испытания, не срезался на медкомиссии ни в Ухте, ни в Сыктывкаре, но слово из пяти букв в графе «национальность» перечеркнуло все эти достижения. Документы отправили в Даугавпилс, – там находилось высшее военное авиационное училище – счастливый абитуриент готовился к экзаменам, как вдруг пришла повестка в военкомат.

Полковник, в кабинет к которому Эдик явился точно в указанный час (пунктуальность – его особая примета, такая же, как зелёные глаза), сказал, сочувствуя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.